

Дело «о загадочном убийстве»

Валерий Карышев Дело «о загадочном убийстве»

* * *

«В тот день я его заметил сразу. Он стоял под нашим подъездом и делал вид, что кого-то ждет, но я-то знал, что он в нашем доме не живет. Из окна своей квартиры я долго наблюдал за ним. Он был одет в темную кожаную куртку, в темные брюки. В руках держал полиэтиленовый пакет. Было видно, что в пакете лежит один тяжелый предмет. Тогда я понял, что в пакете лежит пистолет с глушителем, а незнакомец у моего подъезда – киллер.

В том, что он ждал меня, я был уверен на 90 процентов, ведь на меня до этого уже совершили покушение, в результате которого я был ранен и лежал месяц в больнице. После я долго еще лечился у психиатра. Нервы были расшатаны. Да и работа у меня нервная – все время стрессы. Одним словом, в тот день меня опять заклинило...

Звонить в милицию или вызывать своих ребят я не решился. А вдруг все же этот мужик не при деле? Ведь как-то неудобно получится – пацаны засмеют. Короче, я решил сам разобраться с ним...

Спускался с десятого этажа пешком, осторожно прислушиваясь: а вдруг его сообщник на этаже ждет. В руке под своей курткой держал

ствол, разрешение на ношение оружия лежало в кармане. Я твердо решил, что постараюсь к нему подойти неожиданно. Когда я наконец шагнул к двери подъезда, которая ведет на улицу, то остановился и прислушался. Было тихо.

Я снял с предохранителя пистолет, передернул затвор и, резко открыв дверь парадного, вышел.

От моего неожиданного появления на улице, я думаю, он даже растерялся. Я быстро шел к нему, глядя на его пакет. Он как-то замялся и тоже бросил взгляд на свой пакет. Затем он наклонился и стал опускать туда правую руку. Я решил, что он хочет достать пистолет, и выстрелил. Он сразу бросил свой пакет и схватился двумя руками за грудь, куда вошла пуля. Затем он медленно опустился на землю...

Я поднялся к себе в квартиру, вызвал „Скорую помощь“ и милицию, позвонил своему адвокату.

Минут через десять приехала милиция, затем меня задержали и доставили в прокуратуру.

Считаю все это трагической ошибкой. А свои действия – самообороной. Прошу также не применять ко мне меру пресечения – арест, а оставить меня под подпиской о невыезде или под залог, который я готов внести сразу.

Считаю себя законопослушным гражданином, а раннюю судимость за вымогательство снятой. Принадлежность свою к преступной группировке, на которую намекали ваши опера, конкретно отрицаю».

– Ну как, все правильно написал? – сказал мой подзащитный Николай Соколов, обращаясь ко мне и протягивая свое объяснение.

Я взял его листы, быстро прочел и вернул ему, сказав:

– Дату поставь, распишись. И зачеркни последние две строчки. Они к твоему делу не относятся.

Взяв листы, мой клиент быстро поставил дату и вычеркнул слова о своей судимости и принадлежности к ОПГ.

Я взял снова эти листы и тотчас же передал их следователю, сидящему за столом в кабинете прокуратуры.

– Меня арестуют? – спросил меня мой клиент.

Я посмотрел на следователя. Тот, оторвавшись от чтения бумаги, ответил:

– Это решит позже прокурор. Хотя оперативники РУОПа просят вас «закрыть». Я лично против ареста, считаю, вы скрываться от следствия не будете – иначе бы сами не вызвали милицию. Что касается ваших прочих дел, то они к данному убийству не относятся.

– К несчастному случаю, – поправил я следователя.

Но тот на мою поправку не отреагировал.

Встав из-за стола, он взял бумаги и заторопился к прокурору.

Ждать нам пришлось минут сорок. Наконец он вернулся, протянул мне листок и сказал короткую фразу:

– Залог назначили, как быстро можете привезти сумму? – И следователь показал мне листок постановления о назначении залога. – А вас, товарищ адвокат, попрошу привезти мне ордер на ведение данного дела. Сможете сегодня?

– Сможем, – почти хором ответили мы с клиентом.

Минут через десять мы с подзащитным покинули прокуратуру.

– Сегодня в ресторане хочу собраться со своими. Сможете подъехать? – спросил меня Николай.

– Сегодня вряд ли. Сейчас поеду в контору оформлять документы по твоему делу. Созвонимся позже, – ответил я ему.

– Тебя подвезти до дома? – спросил я его в свою очередь.

– Нет, сейчас ребятам на трубу позвоню, они подъедут.

– Будь поосторожнее, если этот киллер был по твою душу, то они пришлют нового, ты же понимаешь, – сказал я ему на прощание.

После обеда я приехал в адвокатскую фирму, в которой работаю адвокатом. Оформив ордер на ведение защиты по Николаю Соколову и заполнив учетные карточки за прошедший период, отчитавшись перед нашей вышестоящей организацией, записав, сколько дел я провел, сколько клиентов принял, я собрался идти домой.

Я вышел из фирмы и направился к машине. Уже взявшись за ручку дверцы, неожиданно вспомнил, что забыл на работе свой дневник, в котором отмечал все свои деловые встречи, и календарь будущих визитов. Я повернулся и хотел направиться обратно, как неожиданно прямо передо мной остановился черный «шестисотый» «Мерседес» с тонированными стеклами.

Машина настолько резко затормозила, что брызги от лужи попали мне на брюки и ботинки.

– Мы вас немного запачкали, извините, пожалуйста, – послышался женский голос. Из «Мерседеса» вышла женщина. Это была молодая, стройная, красивая темноволосая особа лет тридцати.

Тотчас же из передней дверцы показался высокий, под метр девяносто, блондин лет двадцати семи. Я сразу сник – не оттого, что вышел парень, просто женщина действительно была очень красивая. Я посмотрел на нее оценивающим взглядом.

– Извините, – продолжила женщина, – вы не знаете, где тут находится юридическая консультация?

Я улыбнулся. Надо же, думаю, сначала обрызгали, а потом у меня спрашивают, где находится юридическая консультация!

– Да вот она, перед вами, – я показал в сторону большой вывески, висевшей у двери нашей адвокатской фирмы.

– Спасибо большое, – сказала женщина. – Еще раз извините! – И она посмотрела на мои ботинки и слегка влажные брюки.

– Ничего, – сказал я и направился в сторону фирмы.

Женщина осталась возле машины, о чем-то разговаривая с парнем.

Я поднялся на второй этаж, отыскал свой дневник. Теперь я уже не торопился домой. Мне было интересно, к кому приехала эта женщина, чьей клиенткой она является.

На консультацию приходят как бы две категории клиентов: те, которым нужна юридическая консультация, и те, кого привело конкретное уголовное дело, к конкретному адвокату, который защищает интересы их или их родственников.

Мы, адвокаты, разделяем их на две категории: постоянных и временных, хотя, конечно, постоянных клиентов не бывает, как говорит наш ветеран. Какой бы клиент ни был, рано или поздно он уходит, а мы остаемся со своими проблемами и своей жизнью.

Мне было любопытно – если эта женщина приехала сюда, то к какому именно адвокату. Конечно, у нас было несколько коллег, ведущих так называемый элитный круг, к которым приходят богатые клиенты. Но их было немного – пять или шесть человек. Я бросил взгляд на график дежурств, но тех фамилий там не нашел. Теперь мне стало вдвойне интересно, и я всячески стремился продлить свое пребывание в консультации, ожидая, когда появится эта особа и кого будет спрашивать.

Вскоре мое любопытство было удовлетворено. Женщина появилась неожиданно и, подойдя к окошку, где сидела наша секретарша Катя, обратилась к ней:

– Девушка, с кем я могу проконсультироваться?

Теперь мне стало ясно, что она пришла в первый раз.

Катя, посмотрев на нее оценивающим взглядом, сказала:

– Сейчас работают четыре адвоката, но все пока заняты. Вам придется немного подождать. Пожалуйста, присядьте! – Катя указала на несколько стульев, стоящих в приемной. Почти тотчас в приемной появился адвокат Дима.

Он работает у нас около двух лет по направлению. Это молодой парень, но достаточно шустрый. Дима сумел быстро приобрести репутацию удачливого адвоката и завоевать доверие мелких бандитов, орудующих в нашем районе. Сегодня он тоже был дежурным адвокатом. Вероятно, Дима только что закончил работу с клиентом и вышел в приемную посмотреть, есть ли очередь. Но красавица была не первой. Перед ней сидела пожилая женщина.

Дима вышел и спросил:

– Кто следующий?

Пожилая женщина встала:

– Мне можно пройти?

– Да, конечно, – и Дима указал на дверь своего кабинета. Тут же, подойдя ко мне, он тихо спросил:

– Это что, к тебе клиентка пришла?

– Нет, – пожал я плечами, – просто на прием...

– Сейчас я с ней займусь, – улыбнулся Дима, прищелкнув языком от удовольствия. Я сразу понял – Дима за годы своей работы научился вычислять богатых клиентов, с кого можно взять хорошие деньги.

Дело в том, что за любую консультацию берется определенная такса, которую можно варьировать на соответствующее количество единиц вверх и на такое же количество единиц вниз. И степень сложности вопроса определяет сам адвокат. Основным критерием определения ставки, естественно, является материальное положение клиента.

Если клиент побогаче, то можно взять и побольше за консультацию. А многие сами достают деньги из бумажника и платят порядочную сумму. Конечно, по правилам все деньги необходимо вносить в кассу. Но сейчас произошли изменения, и адвокаты сами назначают себе гонорары. Но за это они обязаны ежемесячно вносить свою часть в общий котел нашего Союза адвокатов. Работаем мы по системе парикмахерских. Не важно, заработал ли ты в этот месяц большую сумму или маленькую, но определенный твердый минимум ты обязан внести в кассу.

«Однако, – подумал я, – Дима шустрый парень и вычислил себе наиболее обеспеченную клиентку! Бедная старушка! На ее консультацию у Димы уйдет от силы десять минут, он постарается быстро с ней разобраться, чтобы взять для себя богатую клиентку».

Тем временем женщина взглянула на часы и, вероятно поняв, что времени у нее не так много, снова подошла к нашей секретарше.

– Простите, пожалуйста, – сказала она, – а сколько мне придется ждать? У вас много людей работает?

Катя хотела было сказать ей заученную фразу, что все зависит от адвоката, но я опередил ее. Не знаю, что на меня нашло – то ли я не захотел, чтобы Дима очередной раз подшустрил, то ли меня замучило любопытство, по какому вопросу она пришла, но я сказал:

– Давайте я вас проконсультирую!

Катя удивленно посмотрела на меня, мысленно уже проводив меня домой.

– Хорошо, – сказала женщина. – Куда мне пройти?

– Пойдемте в мой кабинет, – сказал я и взял у Кати свой ключ.

Вскоре мы открыли дверь большого просторного кабинета. Я предложил женщине сесть за стол, а сам расположился в кресле.

Достав листок бумаги и ручку, чтобы сделать для себя пометки, я посмотрел на женщину и сказал традиционную фразу:

– Слушаю вас внимательно!

Женщина, как бы определяя, я это или не я, осторожно спросила:

– Извините, по-моему, это вас мы слегка замочили на улице?

– Ладно, ничего, – улыбнулся я, – я уже про это забыл!

Женщина улыбнулась.

– Так в чем у вас проблема? – спросил я.

Женщина посмотрела на меня, не зная, с чего начать, и неожиданно сказала:

– Боюсь, что мой вопрос покажется вам достаточно странным... Но я хотела бы с вами проконсультироваться по поводу возможной смерти моего супруга.

Я пристально уставился на нее.

– Что вы так на меня смотрите? – спросила женщина. – Для вас, наверное, этот вопрос показался странным?

– Нет, – сказал я, – вполне жизненный вопрос. К нам приходят многие клиентки по поводу наследственных дел, спрашивают о возможных вариантах, тем более если у кандидата, – я выразился осторожно, не упоминая слово «покойник», – есть еще другие возможные наследники.

– Понимаю, – сказала женщина. – Но у меня немного другая ситуация. Я хотела бы поговорить с вами не о наследстве, а о том, что, возможно, могло бы подстраховать меня, – она тщательно подбирала слова.

Теперь я видел, что женщина была достаточно привлекательна. Голубые глаза, небольшой острый нос, небольшие, достаточно выразительные губы. «Да, – подумал я, – именно в губах и есть ее изюминка! И еще – в какой-то задумчивости, в приятном голосе».

Переведя взгляд на ее руки, я заметил, что ее пальцы унизаны бесчисленным количеством колец. В основном это было не обычное желтое золото, а белое. Я знаю, что желтое золото не в моде. Но не все женщины имеют возможность перейти на белое. Для этого необходимы достаточные средства. У незнакомки на руках были изысканные кольца и перстни, некоторые из которых были с бриллиантами. По представленной ювелирной коллекции можно было понять, что все это стоит дорого, очень дорого...

Женщина, перехватив мой взгляд, продолжила:

– Вам не очень ясен мой вопрос?

– Не очень... Хотелось бы более конкретно узнать, что вы хотите и какой возможный страховой случай может наступить с вашим супругом.

– Ситуация следующая, – продолжила женщина. – Мой супруг имеет достаточно опасную профессию.

– Банкир? – спросил я.

– Что-то вроде этого... Как вы знаете, многие из этой категории время от времени погибают, причем чаще всего – не по своей воле.

– Это понятно, – кивнул я головой.

– Помимо того что он является акционером своего крупного предприятия, точнее, банка, у него есть еще несколько фирм, которые также принадлежат ему, и несколько предприятий, где он является акционером. Вот в чем вопрос... Конечно, мне понятно, что

если что-то случится, то я буду наследовать какую-то определенную долю как прямая наследница...

– Да, – кивнул я, – если при этом у него нет других наследников.

– Нет, я единственная наследница. У нас даже детей нет.

– Так в чем же тогда проблема?

– В сделках, в его контрактах записаны достаточно солидные суммы, – продолжила женщина. – А в случае неожиданной гибели его партнеры имеют ли право, – она сделала паузу, подбирая нужные слова, – обратиться свои требования в сторону моего собственного имущества, которым я владею?

Такого вопроса я не ожидал. Значит, что касается наследства плюсовых, которые она должна получить, у нее вроде никаких сомнений не возникает. Но ее волнует, что с нее могут удержать, что у нее могут оттяпать... Хороший вопрос!

– Тут все зависит, – сказал я, – от условий тех самых уставных и отдельных дополнительных документов, в которых оговаривается этот страховой случай, точнее, его возможная гибель. Да и гибель тоже может быть разная. Он может и своей собственной смертью умереть, может умереть в связи... – я сделал небольшую паузу, – в связи с убийством. Поэтому в этих документах – уставах, учредительных договорах или каких-то дополнительных соглашениях – обычно такие случаи оговариваются. По общему правилу на вас взыскания не могут быть обращены. Хотя, конечно, могут быть и исключения, которые оговорены в этих документах. И вот тогда, по зафиксированным исключениям, возможно наступление неблагоприятных для вас событий. Но, еще раз подчеркиваю, все зависит от конкретных документов. Нужно их смотреть.

– А что могут сделать те кредиторы, которые способны обратиться ко мне с соответствующим требованием? У нас же, как я понимаю, за долги в тюрьмы не сажают?

Я отрицательно покачал головой:

– Такого у нас пока нет. Конечно, судебные инстанции могут конфисковать ваше имущество, но опять же, все решается на основании судебных исков. Но хочу сразу вам сказать, что все это может длиться достаточно долго.

– Да, я примерно представляю, что произойдет, если, конечно, эти люди не сумеют договориться с судьями. Тогда все может пойти гораздо быстрее. Так? – сказала женщина.

– Конечно, может быть и так. Но я достаточно скептически отношусь к разряду этих ускоренных путей... Прекрасно понимаю, что вы имеете в виду – заинтересовать судью или как-то договориться... Все равно существуют объективные причины, по которым дело так быстро не раскрывается.

– Тогда, видимо, существуют и неформальные методы воздействия на должника?

– Вы имеете в виду бандитские наезды?

– Да, – сказала женщина.

– Ну, боюсь, тут я не смогу вас проконсультировать. Я руководствуюсь нормами закона. Попробуйте обратиться за помощью в правоохранительные органы. У нас сейчас много спецслужб, которые работают с организованной преступностью.

Женщина усмехнулась, оценив мои слова. Я тоже улыбнулся, понимая, что в подобных случаях каждый должен сам оценивать свои силы и возможности.

– Еще вопросы есть? – спросил я.

– Нет, пока нет, – сказала незнакомка и, взглянув на часы, спросила: – Сколько я должна вам за консультацию?

Я неопределенно пожал плечами. Женщина, взглянув на меня, достала из сумочки маленький черный бумажник, на котором я успел прочесть название фирмы «Москино», вынула оттуда стодолларовую купюру и положила ее на стол.

– Нет, это очень много! – сказал я. – Я потратил на вас не так много времени! На все ушло не более пятнадцати минут.

Женщина удивленно посмотрела на меня. Что-то в ее взгляде показалось мне неприятным. Вот, наверное, думает, взял бы деньги, да и все, так нет же, начинает кочевряжиться, изображает из себя невесть кого...

– Но у меня нет мелких денег, – сказала она. Одновременно с ее фразой открылась входная дверь и показалось достаточно расстроенное лицо Димы, который, видимо, искал пропавшую клиентку. Бросив неодобрительный взгляд на меня, он закрыл дверь: надо же, увел у меня такой навар! Он-то сразу бы взял сто долларов, а то, может, попросил бы и двести...

– Знаете что, – сказал я, – вы эти деньги внесите в кассу, секретарше Кате. Она выпишет вам квитанцию за консультацию. А мне ничего не нужно.

Я обрадовался, что достойно вышел из сложившейся ситуации. И денег не получил никаких, и вроде Диме насолил...

Женщина вышла из кабинета и пошла по коридору.

– Катя, – обратился я к секретарше, – прими, пожалуйста, по квитанции за консультацию.

– А сколько? – спросила Катя.

– Сколько полагается.

– Спасибо, до свидания, – сказала мне на прощание женщина.

– До свидания, – ответил я и направился в сторону выхода, когда женщина неожиданно окликнула меня:

– Извините, пожалуйста, а как ваша фамилия? Вдруг у меня возникнут еще какие-то вопросы?

– Спросите у секретаря, она даст вам все мои данные, – ответил я и, улыбнувшись, вышел.

Через несколько минут сел в свою машину и включил зажигание. Тут я заметил, как черный «Мерседес», стоящий на улице, плавно тронулся с места и поехал вперед. Я увидел, что в иномарке был еще кто-то, кроме водителя. Из фирмы вышел парень, и почти сразу же – моя клиентка. Они остановились и стали о чем-то разговаривать.

Я стал наблюдать за ними, стараясь понять, что это за парень – телохранитель или просто друг. Он был молод, спортивного телосложения. На банкира не тянул. Может, просто охранник... Стоп, если это охранник, так почему она так долго с ним разговаривает? Нет, с секьюрити так долго не говорят. Он должен быстро посадить ее в машину. А тут наоборот. «Ладно, – подумал я, – надо ехать», – и тронулся с места.

Прошло несколько дней. Я уже забыл про таинственную незнакомку. Но однажды в газете «Коммерсантъ» в разделе происшествий я прочел о том, что вчера в центре Москвы, у здания одного из крупнейших банков, был взорван «шестисотый» «Мерседес», в котором находился банкир Солодовников со своим телохранителем и водителем. Все получили тяжелые увечья. Банкир и телохранитель скончались на месте, водитель в тяжелейшем состоянии доставлен в институт Склифосовского.

Следственные органы расценивают это как заказное убийство. Ведется розыск злоумышленников. Да, подумал я, интересно, может, этот банкир Солодовников и есть тот самый супруг моей клиентки? Мне почему-то опять вспомнилась эта женщина...

Через несколько дней мне на мобильный позвонила секретарша Катя.

– Вас тут один следователь разыскивает, – сказала она. – Он свой телефон оставил, просил срочно позвонить.

Я записал телефон и фамилию следователя. Они были для меня новыми. Вроде ни по каким делам такой со мной не пересекался.

Набрав записанный только что номер, я услышал мужской голос:

– Самохин слушает!

– Это говорит адвокат... – И я назвался.

– Очень хорошо, что вы мне позвонили, – сказал следователь. –

Тут вот какое дело. Задержали вашу клиентку, и она хочет, чтобы вы были ее адвокатом.

– А можно узнать фамилию клиентки?

– Конечно можно. Марина Михайловна Светличная.

«Странно, – подумал я, – фамилия банкира вроде Солодовников, а тут Светличная...»

– Вы ничего не путаете? – переспросил я.

– А что, вам эта фамилия ничего не говорит?

– Ничего. И вообще, откуда она меня знает?

Но следователь сказал:

– Она уверяет меня, что вы с ней уже говорили, что она вас знает и вы ее адвокат.

– Хорошо, – сказал я, – что вы от меня хотите?

– Чтобы вы поехали вместе со мной в следственный изолятор, я ее там допрошу и предъявлю обвинение. Вот, собственно, и все. У меня сегодня последний день, сроки поджимают!

– А у меня на сегодня другие планы. А вы мне звоните и предлагаете ехать к человеку, которого я совершенно не знаю! Боюсь, что не смогу этого сделать. Вы уж извините меня...

– Ладно, что уж там, – сказал следователь. – Тогда я возьму для нее адвоката по назначению.

Конечно, он имел в виду бесплатного адвоката, который полагается по закону. Но тут неожиданно перед моими глазами возникло лицо той незнакомки, которая сидела на моей консультации. А вдруг это она? Не знаю, что заставило меня пойти на поводу у этого чувства, но я, неожиданно для самого себя, согласился.

– Хорошо, – сказал я, – приеду. Но тут вот какая проблема... А что, родственники у этой Светличной есть?

– Да, есть. Но они живут в другом городе и могут приехать дня через три, не раньше.

– Тогда у меня возникает проблема. Как же я буду выписывать документы, если родственников нет?

Следователь понял мой намек.

– Но мы же не будем проверять, кто сейчас выписывает ордера на защиту Марины Светличной. Она же сама меня попросила вас найти, так что это, можно сказать, моя инициатива. Вы же понимаете!

Теперь я осознал, что получил согласие следователя на то, чтобы самому себе выписать ордер на ведение этого дела.

– Но мне сейчас нужно заехать на фирму и выписать ордер...

– Хорошо. Часа через два вы можете подъехать в изолятор номер шесть? Знаете, где он находится?

– Конечно, в Текстильщиках. Это женская тюрьма, там подследственные содержатся.

«Что за странные вопросы он мне задает? – подумал я. – Какой адвокат не знает, где находится следственный изолятор номер шесть, если он работает по уголовным делам?»

– Вот и отлично. Значит, через два часа встречаемся у входа.

– Как я вас узнаю?

– Найдем друг друга, – сказал следователь.

Я положил трубку.

Получилось так, что, пока я добрался до места работы, прошло почти полтора часа. Я стал волноваться, что не успею к назначенному времени. Сев в машину, я помчался в сторону

Текстильщиков. Два часа истекало. Неожиданно раздался звонок мобильного телефона.

– Алло! – услышал я мужской голос. – Следователь Самохин беспокоит. Вы что, немного задерживаетесь?

– Да, я минут через пятнадцать буду, – ответил я, – пробок много.

– Хорошо, буду вас ждать. Я просто уже на проходной стою.

«Стоп, – подумал я, когда уже положил трубку, – откуда он знает мой телефон? Господи, да тут все просто – следаки в последнее время поставили себе определители номера, вот и вычисляют адвокатов... Конечно, я не в претензии, в принципе у них работа опасная, тоже могут быть разные звонки. Но мы-то тут при чем? Мы тоже люди неприкосновенные, и влезать в нашу частную жизнь, тем более определять номера телефонов, запрещено законом. Ладно, замнем этот вопрос, нужно торопиться!»

Через несколько минут я подъехал к изолятору.

Изолятор № 6, так называемая женская тюрьма, находился недалеко от метро «Текстильщики». Это было достаточно интересное здание, представлявшее собой что-то типа крепости, с большим забором, напоминающим шахматную ладью. Изолятор был пятиэтажным, но в отличие от других тюрем окна его представляли собой узкую длинную полоску, вероятно, это были окна коридоров. Окна камер, естественно, выходили во внутренний дворик тюрьмы.

Изолятор был открыт сравнительно недавно – пять или шесть лет назад, и условия в нем были достаточно приемлемыми.

Поставив машину, я поспешил к проходной. Услышав свое имя-отчество, обернулся. Передо мной стоял темноволосый парень небольшого роста с портфелем. На вид ему было лет двадцать пять – двадцать семь.

– Я – Кирилл Самохин, следователь прокуратуры, – представился он.

– Прокуратуры? – удивленно переспросил я.

– Конечно, прокуратуры. А что вас удивляет?

– Нет, я думал, просто какое-нибудь районное УВД, а тут – прокуратура...

– Так ваша клиентка в убийстве обвиняется.

– И кого же она убила?

– Собственного мужа, – Самохин был удивлен тем, что я не в курсе.

Через несколько минут мы предъявили свои удостоверения, и охранник, нажав кнопку, пропустил нас в следственный изолятор. Мы сделали несколько шагов по длинному коридору и оказались возле еще одного КПП. На сей раз это было что-то вроде камеры хранения. Необходимо было сдать все запрещенные предметы. Следователь достал из-под мышки, где обычно оперативные

работники носят оружие, пистолет и протянул его прапорщику, который тут же выдал ему номерок.

– А у вас ничего запрещенного нет? – спросил он у меня.

– Оружия с собой не ношу, – сказал я, улыбаясь.

– Мобильный телефон, пейджер есть?

– Да.

– Пожалуйста, сдайте.

Я вытащил мобильный телефон с пейджером и протянул их прапорщику, получив взамен небольшой номерок.

– Ну все, – сказал Самохин, – пойдете!

Я шел за ним по коридору, не расспрашивая о подробностях. В конце концов, сам сейчас все узнаю...

Вскоре мы, поднявшись на третий этаж, оказались в большой комнате. Это была картотека. Следователь взял чистый листок и стал вписывать туда свою фамилию и фамилию вызываемого лица. Это было так называемое требование, по которому вызывают задержанных.

Через несколько минут все формальности были улажены, и следователь попросил женщину, которая взяла заполненный листок:

– Если можно, побыстрее, а то адвокат очень торопится.

– Ничего, подождет, – недружелюбно ответила женщина.

«Ну вот, – подумал я, – на меня сваливает! Наверное, сам торопится!»

– Нет, – сказал я, – у меня время есть, я никуда не спешу.

Женщина посмотрела на меня удивленно, наверное подумав, что над ней смеются или придуриваются. Но, тут же протянув нам жетончик, сказала:

– Проходите в восемнадцатый кабинет. Сейчас ее туда приведут.

Вскоре мы оказались в кабинете, где проходят беседы и допросы заключенных. Отличие беседы от допроса заключается в следующем. Если следователь – человек официальный, уполномоченный следственными органами, то он вправе производить только допросы. Они являются протокольным мероприятием и строго фиксируются.

Адвокаты же – совсем другое дело. Их уполномочивает общественная организация, Коллегия адвокатов. Поэтому у них – подготовка к делу, располагающая к доверию беседа.

Самохин достал пачку сигарет и протянул мне.

– Ну что, закурим? – предложил он.

– Я не курю, – покачал головой и тут же подумал: «Дурак я, дурак, почему же не взял сигареты?» Есть такая традиция у адвокатов – всегда, когда идешь к клиентам, брать пачку сигарет, зажигалку. Человеку это очень приятно. Даже если он и не курит, то возьмет курево в камеру. Для него это там – своеобразная тюремная валюта.

Вскоре раздалась шага. Дверь открылась, вошла женщина, одетая в военную форму, с огромной грудью. «Интересно, – подумал я, –

почему у большинства тюремщиц такая большая грудь? Или это атрибутика профессии? Такую бы грудь да на обложку „Плейбоя“...»

Я улыбнулся. Женщина-конвоир, заметив мою улыбку, посмотрела на меня с удивлением. Она протянула листок следователю, тот взял его, сделал там пометку и вернул конвоиру.

– Заключенная, заходи! – строго приказала женщина-конвоир.

Дверь открылась, и на пороге появилась та самая незнакомка, которая приезжала ко мне в юридическую консультацию.

– Марина Михайловна Светличная? – перешел на официальный тон следователь.

Та кивнула.

– Я выполнил вашу просьбу, вот адвокат, о котором вы просили. Ну что же, приступим к допросу, а потом я предъявлю вам обвинение.

– Одну минуточку, – остановила следователя Марина. – Раз у меня есть адвокат, то я могу с ним перед допросом переговорить?

Следователь замялся:

– Вообще-то это не положено... Сначала я должен вас допросить. А вот уже перед предъявлением обвинения вы сможете с ним переговорить.

– В таком случае я не буду отвечать ни на какие ваши вопросы, – сказала Марина.

– Марина Михайловна, – сказал следователь, – вы же уже два дня молчите! Я пошел вам навстречу – привез адвоката. Вы должны...

– Ничего я не должна! – резко сказала Марина.

– Хорошо, – сдался следователь, – сколько вам нужно времени?

Марина посмотрела на часы:

– Я не знаю... Минут двадцать, я думаю, мне хватит. А вы покурите пока в другом месте, – она намекнула на то, что по кабинету уже растекся дым от сигареты следователя.

Следователь тут же затушил сигарету, взял «дипломат» и – со стола – уголовное дело. Папка была еще тоненькой. Самохин вышел из кабинета.

– Ну, здравствуйте, Марина Михайловна, – первым нарушил молчание я.

– Извините, как вас зовут? Я забыла, – сказала Марина.

Я назвал свое имя-отчество. Она обратилась ко мне:

– Простите меня, что так получилось, я вызвала вас. Все так неожиданно...

Я сидел и молча слушал.

– Я что хочу сказать... Я не убивала своего мужа, – продолжила Марина.

– А почему же вы здесь?

– Стечение обстоятельств... В общем, вы должны знать, что я его не убивала. Просто так нелепо получилось, что, как назло, я тогда приехала к вам и стала обо всем спрашивать... Но, поверьте мне, я

его не убивала! Подумайте сами, зачем мне приезжать к вам, узнавать все, а потом убивать?

– В общем, да, – я кивнул, – нелогично получается... Ну, не убивали – значит, не убивали. Будем с вами работать, и я постараюсь вам помочь. Думаю, помогу. Хотя, честно говоря, все это для меня очень неожиданно. Я прочел несколько дней назад о взрыве машины и гибели банкира Солодовникова.

– Да, Андрей – мой муж, – кивнула Марина. – Просто я почувствовала: что-то должно произойти, понимаете? Так и получилось. Но ни я, ни Сергей к этому никакого отношения не имеем...

– Погодите, а кто такой Сергей? – спросил я.

– Сергей Ломакин – мой личный телохранитель. Я с ним вместе к вам в консультацию приезжала, помните? Такой высокий парень... – Марина достала из кармана платок и вытерла слезинку в углу глаза.

«Что-то не те тут отношения», – подумал я.

– Он тоже погиб, – продолжала Марина, – вместе с моим мужем.

– Понятно, – сказал я. – А на чем, собственно, они строят обвинение, чем мотивируют вашу причастность к этому убийству?

– Сейчас вам следователь все расскажет. Но я потом еще смогу с вами переговорить?

– Конечно, сможете. У нас время не ограничено. Просто следователь торопится, у него сегодня последний день – сроки поджимают, поэтому ему нужно допросить вас и предъявить обвинение. Потом срок будет продлен. И мы с вами успеем подготовиться. Самое главное – вы же ни в чем не признались?

– Конечно, не призналась! Ни разу после того, как меня задержали!

– Кстати, когда вас задержали?

– Два дня назад.

– Значит, вы тут уже два дня находитесь?

Марина кивнула.

– Тогда вы мне хоть в двух словах объясните, по какой статье они вас пытаются обвинить.

– Ну... – замялась Марина. – А впрочем, вы все равно узнаете. Сергей Ломакин, мой охранник, который погиб вместе с мужем, он мой... мой друг. – Марина сделала небольшую паузу. – Короче, мы были любовниками. Сергей хотел, чтобы я ушла от мужа. У нас с Андреем были не очень хорошие отношения. Мы часто ссорились, он поднимал на меня руку. В общем, Сергей настаивал на этом. А потом он, понимаете... Накануне взрыва муж меня очень сильно избил. Когда на следующий день это увидел Сергей, то он стал угрожать мужу, что убьет его.

– И что же дальше?

– А поскольку у моего мужа была Служба собственной безопасности, достаточно серьезная – там бывшие кагэбэшники работают, – так они все писали на аппаратуру. И так получилось, что у них эта видеозапись осталась, с угрозами Сергея моему мужу.

– А дальше что?

– А дальше – взорвался «Мерседес» и погиб Андрей вместе с Сергеем. Сначала меня просто как свидетеля допросили, а потом приехал Николай Васильевич Громов...

– Кто это такой? – поинтересовался я.

– Это начальник Службы безопасности моего мужа. И он стал меня обвинять на очной ставке, что я заказала это убийство и Сергей принес взрывное устройство, хотел заложить его в машину мужа, но устройство взорвалось, и они погибли вместе. В общем, я – заказчик этого убийства, как получается с его слов.

– Но ведь это же только слова, – сказал я.

– Да дело в том, что у него видео- и аудиозаписи есть... Они за нами следили.

– Это не страшно, – сказал я. – Эти видеозаписи без санкции прокурора делались, значит, они незаконны.

– Помогите же мне! – произнесла Марина. – Я ведь никого не убивала. Да и Сергей не мог на это пойти, я знаю его. Он не такой человек, не то что Андрей...

– А что Андрей? – тут же спросил я.

– О покойниках плохо не говорят, – ответила Марина.

– Хорошо... Давайте будем работать, – сказал я. – После того как следователь вас допросит и предъявит обвинение, я подумаю, проанализирую сложившуюся ситуацию и подготовлю нашу позицию по этому делу.

Я открыл дверь и попросил следователя вернуться в кабинет. Вскоре он вошел, и начался допрос. Он длился около часа. За это время я сделал вывод, что следователь строит дело в основном на мотиве личной вражды, мести. Вторым краеугольным камнем были, безусловно, деньги.

Оказывается, с момента гибели наследница, коей являлась Марина как законная жена, наследует большое количество денег, соответствующие счета, акции и всевозможные предприятия, которые принадлежали мужу.

После допроса было предъявлено обвинение по соответствующей статье. Но Марина проходила здесь как основной заказчик. Исполнителем же этого преступления являлся Сергей Ломакин, который, по мнению следствия, заложил взрывное устройство в машину банкира Андрея Солодовникова, но по случайной небрежности или по неумению обращаться с устройством взорвался вместе с ним.

После ухода следователя мы вновь остались наедине с Мариной. Было видно, что она очень переживала. Обхватила голову руками и начала плакать.

– Господи, за что же мне такое наказание! – причитала она. – Почему же все так случилось?! Какой-то рок, какое-то стечение злых обстоятельств!

Я подошел к ней, погладил ее по голове. Неожиданно Марина прижалась ко мне. Я ощущал ее мягкую грудь, слышал биение ее сердца.

– Ничего, Марина, не волнуйтесь, – сказал я, – обязательно вытащу вас отсюда! Я уже знаю, как это можно сделать.

– Да как же это можно сделать? – еще сильнее заплакала Марина. – Я знаю, ничего не получится!

– Я буду готовить жалобу на ваше незаконное задержание. Все их доказательства основаны на видео- и аудиозаписях, которые они вели, наблюдая за всеми – и за вашим мужем, и за вами, и за этим охранником... Но это все незаконно.

– Хорошо, – сказала Марина, – я верю вам! Знаете, если можно, приходите ко мне завтра. И вообще, приходите сюда почаще!

– Конечно, я обязательно приду к вам завтра, – пообещал я. Вскоре мы простились, и я покинул следственный изолятор.

Когда я приехал домой, то не находил себе места. Все время думал о Марине, о той ситуации, в которой она оказалась. С одной стороны, я верил в ее невиновность, в простое стечение каких-то злых обстоятельств.

Но, с другой стороны, воспоминания о том, что накануне, когда ее супруг был еще жив, она приходила ко мне со своим любовником и интересовалась возможной ее жизнью после того, как муж может погибнуть, – все это смущало... Неужели она все же причастна к убийству? И так искусно маскируется?

Не знаю, каким образом, но у меня в руках оказался Уголовный кодекс. Я открыл статью, по которой обвинялась Марина, и пришел в еще больший ужас. Конечно, статья состоит из двух частей. Но в ее деле имеет место предварительный сговор с любовником. Значит, она проходит по второй части, а там – до пятнадцати лет... Да, срок немаленький! Нет, не нужно думать о таком сроке! В конце концов, у меня сегодня есть козырь – записи, которые они предъявили, незаконны, и я это использую.

И, с другой стороны – подумаете, какой мотив! Да мало ли у кого какие обстоятельства сложились! Банкир – профессия опасная. Может быть, его кредиторы, может, должники, может, конкуренты, а может, и просто бандиты взорвали. При чем тут Марина?

За размышлениями я почувствовал голод. Сначала хотел было поехать поужинать в клуб или ресторан, но потом передумал и решил поесть дома. Плохо, когда жена в отъезде и приходится самому себя

обслуживать. Но что поделаешь: жена поехала с ребенком на школьные каникулы отдохнуть в теплый Египет.

Утром я проснулся с головной болью. Пошел на кухню, достал аптечку и выпил таблетку. Неожиданно в голове мелькнула мысль, за которую я тут же ухватился. Не завтракая, быстро одевшись, я сел в машину и направился вновь в следственный изолятор.

Марину привели ко мне спустя тридцать минут. Она удивилась, что я приехал так рано.

– Что-нибудь случилось? – напряженно спросила она.

– Нет, ничего. Я вот что хочу у вас спросить: вы хоронили своего супруга?

– Как же я могла его хоронить, если меня на второй день арестовали?

– Погодите, – спросил я, – почему вас арестовали? В связи с чем?

– Тут, как я думаю, – Марина сделала небольшую паузу, – супруг подозревал, что я могу готовить на него покушение. Он, короче, знал о Сергее...

– О вашем любовнике? – уточнил я.

– Да, – кивнула Марина. – Велось скрытое наблюдение за всеми – и за ним, и за мной, и за Сергеем. Ну, вы уже об этом знаете... Так вот, по его завещанию, – невесело улыбнулась Марина, – он приказал, что в случае его гибели начальник Службы безопасности Громов должен передать все эти записи – видео и наших подслушанных телефонных разговоров – в следственные органы. Я не знаю, что они записывали, но следственные органы теперь на сто процентов убеждены, что к этому преступлению, точнее, к заказу, причастна я.

– Но вы что-то говорили? – насторожился я. – Хотя бы по телефону с Сергеем?

– Сергей сам поднимал эту тему. Конечно, я говорила с ним...

Вначале я его отговаривала, но после того случая, когда Андрей меня избил, Сергей сильно взволновался и сказал, что он его уберет.

– И что, – уточнил я, – он говорил конкретно, что взорвет машину?

– Нет, такого не было. Он просто сказал: «Я его уберу». Не знаю, – Марина пожала плечами, – но еще раз хочу повторить: Сергей на это не способен. Он не тот человек.

– Но тем не менее это случилось, – сказал я, покачав головой. – Ладно, делать нечего, нужно срочно подавать жалобу об изменении меры пресечения.

– А это, думаете, поможет? – с надеждой в голосе спросила Марина.

– Не знаю, обманывать не буду. Не очень-то суды у нас любят выпускать из-под стражи человека, которому грозят длительные сроки наказания. Но попробую сыграть на незаконных записях. Может быть, суд пойдет нам навстречу.

Вскоре я покинул следственный изолятор. Приехав на работу, я быстро набрал на компьютере жалобу в районный суд об изменении меры пресечения, сделав акцент именно на незаконности прослушивания и видеосъемки частной жизни, и быстро направился в суд.

Секретарша, которая взяла у меня это заявление, просмотрела его.

– Боюсь, что судебное заседание будет назначено не ранее чем через два дня, – сказала она. – Сообщите, пожалуйста, свой телефон, чтобы мы могли вас известить.

– Там все написано, – ответил я, – номер телефона в конце, рядом с моей подписью.

Выехав из здания суда, я поехал в спортклуб, который находился в здании одной из пятизвездочных гостиниц. Переодевшись, через несколько минут я плавал в теплом бассейне, стараясь максимально расслабиться. Потом перешел в сауну. Вдруг неожиданно входная дверь открылась, и в сауну вошел высокий и крепкого телосложения парень. Не знаю почему, но он мне сразу же показался неприятным. Расположившись напротив, он не только нарушил мое спокойное одиночество, но и начал активно чесать свое тело какой-то пластмассовой гребенкой. Это меня стало раздражать.

Закончив свою процедуру и окинув меня взглядом, парень сказал:

– Слышь, братишка, я смотрю, сюда люди пестрые ходят.

– Мир наш пестрый, – ответил я и в свою очередь спросил в его стиле: – Слышь, я тебя раньше, случайно, в Бутырке не видел?

Парень как-то даже встрепенулся от моего вопроса. Еще раз бросив на меня взгляд и, вероятно, не найдя наколок на моем теле, он вдруг заторопился из сауны, отвечая на ходу:

– Ошиблись вы. С другим меня спутали.

Парень ушел, и я был рад, что мне удалось так быстро и просто избавиться от наглого соседа.

Расслабившись, я хотел было поехать домой, но неожиданно мне на мобильный позвонил Коля Соколов и стал просить, чтобы я срочно приехал на Таганку на встречу с ним по важному делу.

Поняв, что отдых мой откладывается, я поехал на встречу.

– Что случилось? – спросил я Николая, когда приехал.

– Здесь мы стрелку забили с Щевелевскими. Меня мой человек из ментуры предупредил, что принять (задержать) нас могут. Подстрахуй нас. За нами не заржавеет.

– Что? И ты имеешь наглость меня вытаскивать по таким делам? Ты что, не понимаешь, что меня подставляешь? – раздраженно заговорил я.

– Всем стоять на местах! Это РОУП! – услышал я вдруг громкий голос и скрежет тормозов нескольких машин.

Пробыл я в ближайшем отделении милиции чуть более 20 минут. Оперативники провели со мной беседу на предмет адвокатской этики, дескать, нельзя адвокатам на бандитские стрелки ездить.

Колю и его братву оставили до утра для профилактики. Усталый и расстроенный, я вернулся домой.

Два дня прошли быстро. За это время я не раз ездил в следственный изолятор к Марине. Практически все другие дела я отложил и занимался только ею. Вскоре мне позвонили из адвокатской фирмы и сказали, что приглашают на судебное заседание по поводу изменения меры пресечения моей подзащитной. «Наконец-то!» – подумал я.

Спустя десять минут мне позвонил следователь Самохин.

– Ну что же вы, – обратился он ко мне по имени-отчеству, – я же к вам по-человечески, всей душой, так сказать, а вы меня подставляете!

– В чем же я вас подставляю?

– Вы же прекрасно знаете, что она виновна! Да, я понимаю, это ваша работа, адвокатов, защищать и выгораживать своих клиентов. Но зачем же вы так, сразу в суд, об изменении меры пресечения? Вы хотите, чтобы мы вам свои карты раскрыли?

– Я не хочу никаких карт и вообще добиваюсь только одного – освободить человека, который незаконно сидит в тюрьме, – сказал я и положил трубку.

Судебное заседание было назначено на двенадцать часов. Слушал его Кузьминский народный суд, по месту нахождения следственного изолятора. Я приехал за полчаса до начала, чтобы пообщаться с Мариной.

Но, как назло, Марину вовремя не привезли – то ли машина сломалась, то ли конвой обедал... Я ходил взад-вперед по коридору, волнуясь.

Неожиданно в коридоре появился Самохин с каким-то незнакомым парнем. Как потом выяснилось, это был помощник прокурора, взятый, так сказать, для поддержания духа. Они тащили какой-то небольшой телевизор. «Так, – подумал я, – значит, кино крутить будут, записи проигрывать! Ладно, ничего, пускай проиграют, а потом я их всех накрою!»

Тут я заметил группу из четырех человек. Это были мужчины, все одетые в темные костюмы и в темные рубашки. Только один из них был в белой рубашке. Крепкого телосложения, мощные фигуры, короткие стрижки... Какой-то неприятный осадок возник у меня на душе, когда они прошли мимо и неодобрительно посмотрели в мою сторону. Что это за люди, почему так на меня смотрят? Может быть, это и есть Служба безопасности? Не похоже... Уж больно походка вольная. У тех больше военной выправки, потому что все они бывшие чекисты или менты...

Наконец привезли Марину. Она была одета вместо спортивного костюма, в котором я видел ее два дня подряд, в темную юбку и в темную кофточку, волосы аккуратно причесаны. Увидев меня, она улыбнулась и слегка помахала мне рукой.

Судебное заседание началось с того, что прочли мою жалобу – таков порядок. Основным моим мотивом об освобождении было незаконное содержание, что Марина не является заказчицей и никаких доказательств по этому поводу нет. Кроме того, в жалобе я подчеркнул незаконный характер проведения записей.

Прокурор, который, вероятно, являлся штатным прокурором этого суда, с подачи следователя стал говорить, что моя подзащитная совершила тяжкое преступление, что срок наказания за это преступление полагается достаточно большой и что, наконец, она может скрыться от следствия.

После этого прокурор попросил, чтобы суд ознакомился с видеозаписями. Судья, казалось, не возражала. В принципе я тоже не протестовал. «Ничего, – думал я, – пускай покажут эти записи, я посмотрю. Для меня станут лишние козыри, буду хоть знать, что произошло и в чем ее обвиняют, а потом эти записи разобью...»

Вскоре пошла первая запись. Я увидел супруга Марины. Он оказался крупным мужчиной, здоровяком лет сорока, с лысиной. Они ругались в просторной квартире. Вот он разбивает вазу, дает ей пощечину, вот она пытается как-то защититься. Крики, ругань... Муж обвиняет Марину в связи с любовником, называет ее всякими нехорошими словами.

Следующая запись – телефонного разговора. Потом показывают видеозапись обыска однокомнатной квартиры Сергея Ломакина, любовника Марины. Видно, как чьи-то руки берут со стола тетрадку. На ней написано: «Конспект. Взрывное дело». Господи, все в цвет получается, все сходится!

Следующая кассета – запись разговора между Сергеем Ломакиным и Мариной. Сергей действительно угрожал, что он убьет ее мужа, что они с ней все равно будут вместе и уедут. Марина же ответила – делай все, что хочешь. И вот по этой фразе – «делай все, что хочешь», – суд теперь обвиняет ее в том, что она якобы дала согласие на убийство своего мужа. «Ничего себе, – подумал я, – может быть, она просто так это сказала, чтобы он отстал от нее, в том смысле, что ей все надоело. Ничего, это я разобью!»

Потом прокрутили еще одну запись телефонного разговора. Все складывалось далеко не в пользу Марины. Когда вся эта процедура закончилась и суд хотел уйти на совещание, чтобы вынести решение, я встал и громко сказал:

– У меня есть реплика.

– Да, слушаем вас! – сказала судья.

– Я прошу внести в протокол, что все эти записи, которые здесь были продемонстрированы, сделаны незаконно, так как не имеют санкции прокурора.

Судья кивнула секретарю, чтобы та отметила это. Затем они ушли на совещание. Марину увели в комнату.

Минут через двадцать судья вернулась вновь. Тут же ввели Марину. Я посмотрел на нее. Глаза у нее были испуганными. Она знаками показывала мне, что хочет со мной переговорить. Что же случилось за эти двадцать минут, почему она так волнуется?

Наконец судья стала зачитывать свое решение, суть которого заключалась в том, что в жалобе адвокату отказать, а мотивы: подозреваемая может скрыться от следствия, так как обвиняется в совершении тяжкого преступления. Что же касается жалобы адвоката в отношении видеозаписей и подслушанных разговоров, то суд не учитывает это как доказательства, а берет только во внимание.

«Ничего себе формулировка! – подумал я. – Только принимает во внимание! Вроде бы это не доказательства, и в то же время, извините, выпустить ее мы не можем». Конечно, я прекрасно понимал, что прокурорский работник и судья – люди из одной упряжки. Конечно, они вместе обедают, общаются. И вряд ли можно было ожидать другого решения.

Мне стало не по себе. Я подошел к Марине, но конвоир сразу же сказал:

– Не положено!

– Как это не положено? – запротестовал я. – Я же адвокат!

Судья услышала наш разговор и сказала конвоиру:

– Да, ему можно, это ее адвокат.

Марина прошептала мне:

– Будьте осторожны! Там, в коридоре, враги Андрея! Он должен им крупную сумму денег! Я очень боюсь! Они могут меня убить!

Теперь я понял, почему те люди так посмотрели на меня.

– Не волнуйтесь, – сказал я, – завтра к вам приду, и мы придумаем новую защиту!

Вскоре Марину увели. Я подошел к столу, стал собирать свои бумаги. Тут я увидел, что в зал судебных заседаний зашел следователь Самохин. Лицо его было веселым, он выглядел победителем. «Ничего, – подумал я, – это еще не последняя наша встреча! Мы с тобой еще повоюем!»

Собрав свои вещи, я вышел на улицу. Только подошел к своему автомобилю, как неожиданно на мое плечо легла чья-то рука. Я обернулся. Передо мной стоял парень в кожаной куртке, с короткой стрижкой, с типично бандитским лицом.

– Молодой человек, – сказал он мне, – с вами поговорить хотят. Пойдемте!

Я попробовал было отказаться, но парень крепко взял меня за руку и потянул в сторону от машины.

Пройдя несколько шагов, мы подошли к серому «Мерседесу» четыреста двадцатой модели, очень похожему на «шестисотый», только другого класса. Стекло медленно опустилось, и на заднем сиденье я увидел двух крупных мужчин, которых я встретил в коридоре суда. Один из них вышел и, обратившись ко мне, сказал:

– Я так понимаю, что вы адвокат?

– Да, адвокат. А в чем дело?

– Можешь ее вытащить? – неожиданно перешел на «ты» мужчина.

– Я, собственно, и стараюсь это сделать...

– Слышь, вытащи ее обязательно! Мы тебе бабок пришлем, хороших! Нам она тут живая нужна!

– А зачем она вам нужна? – осторожно спросил я.

Первый мужчина хотел, наверное, сказать, что это не мое дело, но второй, упреждая его, неожиданно вступил в разговор:

– Нам поговорить с ней нужно по серьезной теме. Бабки ведь пропали. Вы, наверное, знаете об этом? Так что она нам на свободе нужна, а не там, в зоне... Впрочем, мы ее и в зоне найдем, – добавил мужчина.

– В общем, это, адвокат, давай работай хорошо, – снова заговорил первый. – Мы тебе еще позвоним.

«Ничего себе, – подумал я, когда „Мерседес“ уехал, – хорошенькое начало! Кто эти люди? Конечно, мафия. На обычных бизнесменов они совершенно не похожи...»

Я сел в машину и поехал в сторону дома. Однако вскоре почувствовал, что за мной кто-то едет. Вишневая «девятка» с тонированными стеклами пристроилась сзади и все время тащилась за мной. Господи, конечно же, за мной пустили слежку!

Я свернул на другую улицу. «Девятка» шла за мной. Я начал лихорадочно соображать, чего от меня хотят. Может, меня и дома ждет какой-нибудь сюрприз – засада, и со мной там будут разбираться? Но, с другой стороны, зачем меня трогать? Наоборот, они заинтересованы, чтобы я освободил Марину. Нелогично получается...

Вскоре я заметил, что «девятка» свернула в другой переулок. У страха глаза велики...

Но, подъехав к дому, я обратил внимание, что во дворе стоит незнакомая машина, «Ауди-80», в которой сидят два парня. Мне почему-то показалось, что они ждут меня. А может, это киллеры? Ладно, совсем ты, адвокат, запаниковал! Соберись, все будет нормально!

Утром позвонили с работы и сказали, что следователь Самохин ждет меня в прокуратуре на процессуальные действия. Теперь, как я

понял, он решил все свои вызовы проводить официально. Да ради бога!

Вскоре я подъехал к зданию прокуратуры. Отыскав на первом этаже кабинет Самохина, я заметил, что рядом в коридоре сидит молодая девушка в темном плаще и темной косынке. Наверное, к нему... Да мало ли кто к нему ходит, наверняка он не одно дело ведет.

Я постучал.

– Входите! – раздалось из-за двери.

Я вошел. Самохин посмотрел на меня и тут же отвел взгляд в сторону.

– Вызывали? – спросил я, специально подчеркивая значимость его фигуры.

– Я попросил вас прийти, чтобы ознакомить с заключением экспертизы, – сказал Самохин. – Пожалуйста, прочтите и распишитесь.

Я взял листок, лежащий на столе. По результатам экспертизы было установлено, что взрывное устройство, в котором находилось столько-то граммов тротила – заряд был достаточно большой, – управлялось дистанционным управлением. Я подписал.

– И что из этого следует? – спросил я.

– Во-первых, то, что заряд был слишком большой и практически невозможно определить, кто погиб...

– Я вас не понимаю. Вы хотите сказать, что банкир Солодовников жив?

– Нет, в том, что Солодовников мертв, сомнений нет. А вот в том, что погиб Сергей Ломакин, у нас сомнения...

– Почему?

– Никто не смог его опознать. Я вызвал его сестру, она в коридоре сидит, вы, вероятно, ее видели... Так вот, я допросил ее, и у меня возникли сомнения, что Ломакин погиб.

– Так кто же тогда погиб?

– Не знаю. Это только мои домыслы. Но самое главное, как вы видите, – это дистанционное управление, – сказал следователь с ехидной улыбкой.

– И что из того?

– Кто-то же им управлял!

– И кто же?

– Если Ломакин жив, то он и управлял. А может быть, и не Ломакин. А может, и ваша подзащитная им управляла!

– Ну, вы такие смелые предположения делаете! – улыбнулся я. – Кстати, вы нашли пульт дистанционного управления?

Самохин опустил глаза:

– Не нашли, но ищем.

– Ну что, я могу быть свободен? – спросил я.

– Конечно, – кивнул Самохин.

Я хотел уже выйти из кабинета, но неожиданно услышал его голос:

– Надеюсь, вы ничем особенным со своей подзащитной в тюрьме не занимаетесь?

– А что вы имеете в виду? – оглянулся я.

– Да ничего... Просто я предполагаю, что там все записывается или прослушивается. Так что, господин адвокат, будьте поосторожней...

Что за намеки? Чем я не должен заниматься? Или не должен что-то ей носить?

Я закрыл дверь. Девушка в трауре. Она подняла на меня глаза.

– Извините, пожалуйста, – обратился я к ней, – я адвокат жены погибшего Андрея Солодовникова. Как я понимаю, вы – сестра Сергея Ломакина?

– Да, – тихо сказала девушка.

– Можно вас спросить?

Девушка кивнула.

– Вы были на опознании своего брата?

– Да, была.

– Вы определили, что это он?

– А что можно было определить? От него ничего не осталось... Так, одежда кое-какая, часы его да цепочка с перстнем каким-то образом уцелели, которые он носил...

«Да, не густо», – подумал я.

– Я хочу вам сказать, господин защитник, – неожиданно заявила девушка, – что я вам не союзник. Я не любила эту фифочку. Это из-за нее Сережа погиб, – девушка стала вытирать носовым платком мокрые от слез глаза.

Господи, кто же мои союзники, где они? Везде одни недоброжелатели...

Прошло некоторое время, я был вынужден заниматься своими старыми делами и клиентами. Марину несколько дней не посещал, но на следующий день после освобождения одного моего старого клиента я поспешил к ней в следственный изолятор, дабы поставить в известность о результатах недавней экспертизы.

Поднявшись на третий этаж, я быстро заполнил требование вызова. Написав номер ее камеры, я передал листок женщине, сидящей в картотеке. Та сверила данные с карточкой, неожиданно зачеркнула написанное, пометив красным карандашом «Карцер», и вернула листок мне.

– Что это значит? – удивился я.

– То, что ваша клиентка в карцере, – сухо ответила женщина.

Господи, что же случилось?

Через полчаса ко мне ввели Марину. Она была снова одета в тренировочный костюм, какая-то осунувшаяся. Я шагнул к ней. Она остановилась.

– Не подходите ко мне близко, – сказала она, – от меня плохо пахнет. Я уже три дня не умываюсь.

– Почему ты попала в карцер? – спросил я.

– Ой, нервы у меня не выдержали! В камере сцепилась с одной алкоголичкой.

– По какому поводу?

– Она приставать ко мне начала, гадости всякие говорить, ну я и не выдержала.

– Ну-ка, рассказывай подробно!

Через несколько минут я все узнал.

Оказывается, Марина сцепилась с женщиной, которая тоже сидела за убийство мужа, у которой уже состоялся суд, и она получила девять лет.

– Девять лет? – переспросил я.

– Да, девять. Мне что, тоже девять лет дадут?

– Не волнуйся, у тебя все будет нормально.

– Короче, нервы у меня не выдержали. Подрались мы. А тут еще записку мне передали, не знаю, каким образом... От тех, что в коридоре были. Это же бандиты! Андрей с их деньгами работал, и теперь они все стрелки пытаются перевести на меня. Они сказали, что навещают меня в тюрьме. Я очень испугалась...

– Поэтому ты и спряталась в карцер? – улыбнулся я.

Марина пожала плечами.

– У меня тоже новости, – сказал я. – Взрывное устройство имело дистанционное управление, и следак начинает уверять, что Ломакин может быть жив, а дистанционным управлением управляла якобы ты.

– Что вы! – удивилась Марина. – Это просто бред!

Мы проговорили еще минут сорок. Я уже хотел собираться, но Марина неожиданно сказала мне:

– У меня к вам просьба... Вы не могли бы послать сообщение на пейджер?

– Какое?

Марина взяла листок и что-то написала на нем.

– Вот номер пейджера, – она протянула листок мне. – А сообщение такое: срочно пришлите весточку через адвоката. И еще, укажите в сообщении адрес вашей адвокатской фирмы и вашу фамилию. Вам привезут записку.

– А может, мне лучше встретиться?

– Нет, сейчас обстановка не та. Мафия появилась. Может, они и за вами следят. Пусть лучше будет так.

– Хорошо, все сделаю, – сказал я.

Как только я вышел из следственного изолятора, тут же послал короткое сообщение: жду весточку через адвоката, назвал свою фамилию и адрес, подписал «Марина». «Интересно, – подумал я, –

кто же у нее остался на свободе, от кого она ждет сообщений и что это за человек?»

Через два дня позвонили с работы и сказали, что меня ждет телефонограмма, причем срочная.

– Раз срочная – прочитайте ее, – сказал я секретарше.

«Вам сегодня необходимо срочно прибыть на следственные действия по адресу», – и секретарша назвала адрес одной городской больницы.

На следственные действия меня приглашал следователь, который вел дело Николая Соколова. Я сразу заволновался.

Николай мне не звонил несколько дней. Куда он пропал? Может, опять на него покушение? Всю дорогу я только и думал, что могло случиться с Николаем.

Когда я приехал в больницу, то ни у входа, ни в приемном отделении следователя не нашел. Я обратился с вопросом к охраннику, стоящему у дверей.

Тот послал меня в морг. Подъехав к отдельно стоящему одноэтажному зданию, я сразу заметил несколько машин у входа. Две из них были с милицейской символикой. Осторожно войдя внутрь помещения, я сразу заметил несколько человек, среди которых был следователь Николай.

– Что случилось? – даже не здороваясь, спросил я его.

– Вашего клиента сегодня утром убили у подъезда. Поскольку у него родственников нет, то пригласили вас на опознание, – сказал мне следователь.

Через несколько минут меня провели в отдельную комнату, где посередине стояла кровать на колесах. В присутствии понятых мне показали лицо лежащего человека. Это был Николай Соколов.

Выполнив формальности, я хотел было ехать домой, но ко мне обратился следователь:

– Не хотите быть адвокатом убийцы?

– Его уже задержали? И кто он? – спросил я.

– Из его же братвы. Они обвинили его, что он присвоил их общак.

А опера говорят – это борьба за власть. Так что ответить задержанному? – снова спросил меня следователь.

– Скажите, что я занят по другим делам. Пусть ищет другого адвоката.

После морга я решил поехать на работу. Всю дорогу только и думал о погибшем клиенте. Лучше бы его тогда посадили – был бы живым.

Когда я приехал в офис, там лежал конверт, на котором было написано: адвокату такому-то. Внутри находилась тщательно запечатанная записка. На ней было написано: «Марине, лично».

Взяв записку, я поехал в следственный изолятор.

– Принесли? – спросила Марина, как только вошла в кабинет.

– Да. – Я протянул ей записку.

Марина быстро проговорила:

– Вы можете постоять возле двери?

– Зачем?

– На всякий случай. Это очень важно! Если услышите какие-то шаги в коридоре, сразу же дайте мне знак.

– Хорошо.

Я подошел к двери. Марина достала зажигалку и, крутанув колесико, проверила, работает ли она. Затем быстро распечатала записку. Прочтя, она пробежала ее глазами еще раз, тут же поднесла к листку зажигалку и сожгла бумагу. После этого Марина, дунув, чтобы пепел вылетел на улицу, отправила туда же и зажигалку.

– Что пишут? – поинтересовался я.

Марина тяжело вздохнула:

– Вроде надежда есть...

Спрашивать, от кого пришла записка и что там было, я посчитал не деликатным. В конце концов, захочет – расскажет сама.

– Да, сегодня я из карцера вышла, – сказала Марина.

– Как это? Вроде срок-то еще не закончился.

– Меня досрочно выпустили. Приходил какой-то тюремный начальник. По душам поговорил и выпустил. Меня теперь в другую камеру перевели.

– Вот видишь, как хорошо! – улыбнулся я. – Просто отлично!

– Только не в Ницце я сижу и не в Монако, – грустно улыбнулась Марина, – где я раньше была с Андрюшкой.

Через несколько минут я вышел из следственного изолятора.

Неожиданно зазвонил мобильный телефон. Незнакомый мужской голос назвал меня по имени-отчеству и поинтересовался, я ли это.

– Да, это я.

– Здесь вот такая тема, – чувствовалось, что мужчина подбирает слова. – Вы не могли бы завтра с утра подъехать в банк, где работал Андрей Николаевич Солодовников? – Мужчина назвал адрес.

– А зачем мне туда ехать?

– С вами хотят поговорить.

– Кто?

– Вы его знаете. Большая просьба – подъезжайте. Только вот что... Вы следяку ничего об этом не говорите. В ваших же интересах. И еще, как вы понимаете, люди, которые звонят вам, обладают большими возможностями, раз они узнали ваш телефон.

Соответственно, они знают и ваш домашний адрес. Так что не делайте, пожалуйста, глупостей. – И мужчина положил трубку.

Господи, началось! И что мне делать? Ехать или не ехать?

Сообщать следователю или не сообщать? С одной стороны, я не обязан туда ездить. Более того, это запрещено законом, я не должен вступать в какие-либо неформальные отношения с любой стороной.

Но, с другой стороны, вдруг что-то будет в пользу Марины? Надо все же рискнуть...

В назначенное время я подъехал к банку в центре города. Это был четырехэтажный особняк желтого цвета, с зеленой лужайкой, с огромным количеством иномарок возле него и рядом видеокамер слежения. «Да, Служба безопасности поставлена тут на широкую ногу!» – подумал я.

Подойдя к окошку, назвал свою фамилию.

Мужчина попросил у меня документы. Я предъявил свое адвокатское удостоверение. Он внимательно рассмотрел его.

– У вас удостоверение через два месяца кончается. Не забудьте продлить! – сказал он.

Какая вьедливая Служба безопасности! В тюрьме никогда на это внимания не обращают, а тут сразу: «Надо продлить»...

– Хорошо, постараюсь, – улыбнулся я и пошел по коридору.

– Вам прямо и направо, там вас встретят, – сказал вслед мужчина.

Пройдя несколько шагов, я поравнялся с одной из дверей.

Неожиданно из нее вышел парень, в ухе у которого я заметил маленький наушник. Вероятно, это был сотрудник Службы безопасности. Он обратился ко мне по имени-отчеству.

– Да, это я.

– Пойдемте, нам нужно подняться на третий этаж.

Мы шли по широкому коридору. Нетрудно было догадаться, что на третьем этаже располагалось руководство. Тут было меньше дверей, на каждой надпись: «Вице-президент», «Член правления»...

Наконец мы подошли к массивным дверям с табличкой: «Председатель правления Андрей Николаевич Солодовников». Да, табличку еще не заменили...

Я открыл дверь.

В приемной сидела молодая девушка, лет двадцати, в розовой блузке, темноволосая, немного похожая на Марину. «Наверное, секретарша», – подумал я. Она посмотрела на меня странным, недобрим взглядом. Да что же они на меня все так смотрят в последнее время!

– Куда мне пройти? – спросил я.

– Пожалуйста, – ответила девушка, – вас ждут.

В просторном кабинете, где еще не так давно сидел муж Марины, находилось четверо мужчин. Двоих из них я узнал сразу. Это были те люди из суда. Двое были мне незнакомы. Один из них сидел без пиджака. Было ясно, что это новый председатель правления банка. Пиджак его висел на спинке президентского кресла.

Я поздоровался. Каждый из присутствующих подошел и пожал мне руку. Поздоровался и тот, который приветливо говорил со мной в машине. Он спросил у меня, что я буду пить – кофе, чай.

– Может быть, что-нибудь покрепче? – добавил он с улыбкой.

– Нет, спасибо, ничего, – сказал я. – Давайте лучше поближе к делу.

– Садитесь, – указал мне мужчина на кресло возле небольшого столика. Сам же опустился в президентское кресло. Тут же стало ясно, кто настоящий хозяин. Тот мужчина без пиджака, видимо, только пешка, или марионетка, если быть точнее. А истинный хозяин – вот этот. Мафиози...

– Надеюсь, вы понимаете, о чем у нас пойдет разговор? – спросил мужчина. – Кстати, познакомьтесь, – указал он мне на мужчину, стоящего неподалеку. – Это Николай Васильевич Громов, начальник Службы собственной безопасности, тот человек, который написал заявление и предоставил все записи о причастности Марины к убийству Андрея.

Я разглядывал Громова. Это был мужчина лет сорока пяти, невысокого роста, достаточно худощавый, с темноватым лицом, темными бегающими глазами.

– Разговор у нас будет серьезный, – сказал мужчина. – Но для начала... Можно ваш мобильный телефон? – неожиданно спросил он.

– Зачем?

– Я попросил ваш мобильный, – повторил мужчина, не отвечая на мой вопрос. Я молча протянул ему телефон. Он взял его и отстегнул батарейку от корпуса, положив отдельно. Затем кивнул в сторону Громова. – Теперь еще одна формальность. Заранее приносим свои извинения, – сказал он равнодушным голосом, давая понять, что мои претензии никакого значения для него иметь не будут.

Громов подошел и стал быстро ощупывать меня, проверяя воротники, нет ли там какого-либо подслушивающего или записывающего устройства; сказав «Чисто», он отошел в сторону.

– Такая конспирация – прямо фильм про Джеймса Бонда! – с улыбкой сказал я.

– Береженого бог бережет, – сказал мужчина, вытянув руку вперед.

«Да, – подумал я, – знакомый жест, типично бандитский!»

Сидя в кабинете банкира Солодовникова, я осматривался по сторонам. Помимо кожаного кресла, где восседал незнакомец, расспрашивавший меня, и громадного стола, у стены стоял огромный современный двухстворчатый стеклянный шкаф, в котором хранились различные бумаги. С правой стороны стола находился кожаный диван и два кожаных кресла, между ними – журнальный столик.

Там сидели другие собеседники. Но мое внимание привлекли две красные лампочки, горевшие на панели видеомонитора, расположенного в едином корпусе под телевизором. Одна из лампочек находилась под словом «REC». «Так, – подумал я, – значит, меня едят».

Излюбленный прием банкиров, когда в видеодвойки вставляют миниатюрную видеокамеру и ведут запись сразу на расположенный тут же видеомagnитофон, для меня был не нов. Вероятно, мои визави решили записать беседу со мной, чтобы потом проанализировать все ответы на задаваемые вопросы.

Тем временем перекрестный допрос – так его можно было назвать – продолжался. Человек, который впоследствии назвался Яном, стал подробно расспрашивать меня о том, как я вышел на свою клиентку, знакомы ли мы были с ней раньше. Я рассказал ему историю нашего знакомства.

Он усмехнулся и сказал:

– И что же, она прямо так приехала? И после этого она пригласила вас в это дело?

Я кивнул головой. Он снова усмехнулся, или не очень веря моим словам, или удивляясь женской непосредственности.

– Хорошо, допустим. Что, она просила вас, например, телефон принести, кому-то позвонить, записку передать? – снова стал расспрашивать меня Ян.

Я немного задумался. Как себя вести? Конечно, шутить с ними опасно. Эти люди готовы на все. Но, с другой стороны, никакой опасной информации не было.

– Да, было дело, – сказал я, – вышел, передал информацию на пейджер...

– Какой номер пейджера? – неожиданно вступил в разговор коллега Яна, который взял карандаш, чтобы записать номер.

– Я уже не помню, какой...

– Вспомнить можешь? – неожиданно обратился он ко мне на «ты». Но Ян строго взглянул на него. Тот тут же замолчал, видимо поняв, что ему нельзя задавать вопросы, пока со мной беседует Ян. Вероятно, эта бандитская субординация была достаточно строгой, и никто не смел нарушать ее.

Ян опять спросил:

– Хорошо, а потом вы можете его вспомнить?

– Может, и вспомню, не знаю...

– А что было дальше?

– А потом, после того как я отправил сообщение на пейджер, мне в консультацию кто-то принес конверт с запиской, которую я и передал.

– Записку, конечно, не читали?

– Нет, не читал, – покачал я головой.

Ян хлопнул рукой по столу.

– Ну что я говорил! – сказал он громко. – Все сходится! – обратился он к своим коллегам. – Он жив, и записка является подтверждением этого.

Я расширил глаза. «Кто он?» – подумал я. Но спросить не решился.

– Хорошо, – обратился ко мне по имени-отчеству Ян, – вы вспомните, пожалуйста, как передали ей записку. Она ее прочла. Что дальше было? Какая ее реакция? Нас это очень интересует. Она обрадовалась, расстроилась, успокоилась? – как бы стал он подсказывать мне.

Я пожал плечами:

– Вроде все было нормально... Я особого внимания не обращал на ее реакцию. Она меня сразу к двери поставила на всякий случай...

– Так, а дальше?

– Я не видел ее лица. Стоял около двери, и мне не было видно. А потом она быстро сожгла записку и пепел в окно выбросила.

– Видите, – снова обратился Ян к собеседникам, – все сходится! Все не зря!

Неожиданно один из собеседников сказал:

– Знаешь, Ян, может, здесь просто совпадение... Может, кто-то просто...

– Да ладно! – оборвал его Ян. – У тебя с мозгами всегда было неважно! Ты никогда не можешь просчитывать ходы противника. А я все четко вижу. Ладно, мы ее проверим. Так, – обратился Ян ко мне, – вы можете пронести ей записку от нас или мобильный телефон?

– С телефоном сложновато будет, – сказал я, – потому что там все прослушивается, и у меня могут быть неприятности.

– Хорошо, верю, – сказал Ян. – А маляву?

– С запиской проблем нет, пишите.

– Мы сейчас напишем. – Ян тут же придвинул к себе листок бумаги и стал писать что-то. Закончив, он протянул записку мне. Она была не запечатана.

– Мы вам доверяем, – улыбнулся Ян. – Видите, я даже не запечатываю записку. Но у нас к вам будет одна просьба. Вы можете говорить ей про наш разговор, что мы вас пригласили сюда, что сидели в этом кабинете, рассуждали о том о сем... Но когда она будет читать эту записку, внимательно следите за ее реакцией. Потом мы с вами встретимся в каком-нибудь уютном местечке, – Ян встал и взял меня под руку, чтобы проводить до дверей кабинета, – и вы нам расскажете, как она читала записку, что у нее в это время было написано на лице. Сможете это сделать?

– Постараюсь, – кивнул я головой. – А если она прервет со мной контакт после того, как узнает, что мы общались с вами?

– Она не прервет с вами контакт. Скоро будет суд, и вы ей нужны. Следствие скоро заканчивается, дела у нее достаточно плохи, и она не будет менять адвоката перед судом. Лошадей на переправе не меняют – так, по-моему, говорят? – улыбнулся Ян.

– Спасибо, конечно, за сравнение меня с лошадью...

Ян с улыбкой похлопал меня по плечу, оценив мой юмор.

– Ничего, если все получится так, как мы задумали, у вас будет много денег. Мы вас не обидим. И вообще, у вас проблем не будет. Хотите у нас в банке работать? – неожиданно сказал Ян и всмотрелся в мое лицо.

– Не знаю... Нужно сначала это дело закончить, – ответил я.

Ян пошел провожать меня. Когда мы выходили из здания, он опять взял меня за руку, приблизился ко мне и, наклонившись, сказал на ухо:

– Я почему-то вам верю. Не думаю, что вы играете с ней в одну игру. Я верю в случайность. И в подтверждение раскрою вам небольшой секрет. Дело вот какое... Я не очень верю в убийство этого охранника. Я думаю, что он жив, потому что кто-то машину взорвал. А это мог сделать только Сергей Ломакин.

– Почему вы так решили? Ведь сестра была на опознании, вроде труп опознан...

– Это все игра, – махнул рукой Ян. – Нас так дешево не проведешь. Дело в том, что наши бабульки заныкались в связи с этим взрывом...

– Вы хотите сказать – исчезли? – уточнил я.

– Да, двадцать миллионов гринов. Нормальная сумма, да? Так вот, все это дело они подстроили, со взрывом, с пропажей... И в тюрьму она не случайно села. Я это чувствую. Тут все сходится. Ну ничего, мы это дело раскроем! Так что внимательно смотрите за ее реакцией на записку. А Ломакина мы найдем своими силами, – сказал Ян и протянул мне руку на прощание.

Я был ошарашен его словами. Неужели действительно Ломакин жив? Быть такого не может!

В тюрьму к Марине я поехал на следующий день. Перед этим я все же прочел записку – уж больно хотелось узнать, о чем она. Тем более что записка была не запечатана.

Там было следующее: «Мариночка, мы очень переживаем за твое здоровье, очень волнуемся. Ты молодец, что придумала такую комбинацию. Твоего ищем и обязательно найдем. Мы знаем, что он жив. Так что подумай, как облегчить свою ситуацию. Сама понимаешь, что сейчас находишься в тяжелом положении. И ты знаешь наши возможности и связи. Так что до скорого свидания! Мы очень надеемся, что ты нам поможешь. Твои друзья». И внизу была поставлена буква «К». Вероятно, это подпись того, кто писал записку. Вообще-то я говорил с Яном... Значит, его фамилия начинается на букву «К», а может быть, это кличка...

Через несколько минут я сидел в кабинете. Вскоре появилась Марина, уже в нормальном виде, причесанная и аккуратная. Она очень обрадовалась, подошла ко мне и поцеловала в щеку.

– Ну, как дела? – спросила она.

– Боюсь, не очень хорошие, – ответил я и стал рассказывать ей о своем визите в банк. При этом я смотрел внимательно за ее лицом. Она резко изменилась, побледнела.

– И записочку вам передали, – сказал я и протянул ей листок. Марина быстро пробежала его глазами. Я наблюдал за ее реакцией. Она погрузилась, заволновалась.

– Вы понимаете, – сказала она, – они считают, что он жив! Кто он? Кого они имеют в виду?

Я пожал плечами.

– Помните, про кого они спрашивали – про моего мужа, Андрея Солодовникова, или про охранника, Сергея Ломакина? – спросила Марина.

– Не знаю... Скорее всего, про Ломакина.

– Да, ситуация очень сильно меняется, – сказала Марина. – Я очень расстроена. У меня к вам просьба... Вы не могли бы позвонить на пейджер? И вот еще что – я записку напишу, завтра передайте. А на пейджер пошлите вот такое сообщение. – И она записала текст.

Сообщение было следующим: «Пошли человека на работу адвоката. Для тебя записка. Очень важно. Целую, Марина».

Марина протянула мне листок.

– Сейчас вы выйдете и сразу пошлете это сообщение на пейджер. А завтра я попрошу вас прийти ко мне пораньше, часам к одиннадцати. Вы можете это сделать?

Я кивнул.

– А я к этому времени постараюсь написать записку. Вы потом ее возьмете к себе на работу, человек к вам за ней подъедет. Понимаете, это очень важно! – повторила Марина. – Это очень опасные люди. Будьте с ними осторожны!

Покинув следственный изолятор, я сделал все так, как просила Марина, – тут же отправил сообщение на пейджер. Теперь у меня у самого появились сомнения. Неужели она действительно разработала тонкую игру? Неужели охранник Ломакин жив, а деньги она действительно взяла и разыграла спектакль, подготовив убийство собственного мужа?

На следующий день события стали развиваться с еще большей скоростью. Подъехав к десяти утра в следственный изолятор и заполнив листок вызова, я протянул его работнице картотеки. Женщина взяла листок, сверила его со своими записями и неожиданно сказала:

– А ее уже вызвали.

– Как вызвали? В каком она кабинете?

– В девятнадцатом. А вызвал ее следователь. Идите.

Я поднялся на этаж, где находились следственные кабинеты. Но в девятнадцатом никого не было. Я заволновался. «Странно, – подумал я, – почему ее вызвал следователь? Почему не пригласил меня? Ведь

по всем нормам процессуального права он обязан допрашивать ее только в присутствии адвоката. Может, это какая-то ошибка?»

Я спустился вниз и снова постучался в картотеку.

– Извините, – сказал я, – но в девятнадцатом кабинете никого нет, а вы сказали, что следователь вызвал мою подзащитную. Я не могу их найти.

– Сейчас, одну минутку, – сказала сотрудница картотеки, взяла телефон и позвонила куда-то:

– Здесь адвокат пришел к Светличной... Понимаю... Сейчас. – И она обратилась ко мне: – Сейчас ее приведут. Подождите возле девятнадцатого кабинета.

Я вернулся к кабинету. Прошло уже больше часа с того времени, как я приехал в следственный изолятор. Наконец я услышал шаги. По коридору шли трое – Марина, следователь и еще один мужчина, одетый в форму офицера внутренних войск. Нетрудно было догадаться, что это был сотрудник следственного изолятора. Войдя в кабинет, следователь сухо поздоровался со мной.

– Хорошо, что вы пришли, – сказал он. – Как раз кстати. Сейчас мы будем проводить допрос в связи с открывшимися новыми обстоятельствами. Присаживайтесь, Марина Михайловна!

– Я могу перед допросом переговорить со своим адвокатом? – сказала Марина, обратившись к следователю.

– Нет, Марина Михайловна, я лишаю вас этой возможности.

– Почему? Ведь по закону...

– Никакого закона, – оборвал ее следователь. – Здесь ситуация такая, что неизвестно, будет ли ваш адвокат дальше с вами работать.

Теперь я вообще ничего не понимал. Неужели что-то случилось?

– Итак, Марина Михайловна, как вы можете объяснить, – следователь достал серо-зеленый бланк протокола допроса, – изъятие у вас в присутствии понятых записки следующего содержания? – Он достал из ящика стола тонкую папку скоросшивателя, открыл ее. Я увидел листок тонкой бумаги, на котором женским почерком было что-то написано. – Это ваша записка? Вы подтверждаете это?

– Да, – кивнула Марина.

Я смотрел на нее удивленными глазами. Все ясно, эту записку перехватили. Значит, за Мариной наблюдали. Может, была подсадная утка, которая информировала администрацию, может, скрытая камера. Короче, засекли Марину. «Быстро они следователя вызвали! – подумал я. – Так вот почему тут находится этот тюремщик...»

– Вы можете объяснить следствию, кому предназначалась эта записка? – продолжал следователь. – И через кого вы собирались ее передавать?

Я напрягся. Неужели она сейчас скажет, что через адвоката?

– Записка предназначалась одному моему знакомому, которого назвать я не могу, – сказала Марина. – А передавать я ее собиралась... – Марина сделала паузу.

Господи! Сейчас она скажет, что через адвоката, и меня тут же выведут из дела! Вот он, расчет следователя – так сказать, мелкая месть за то, что я пытался освободить Марину через суд!

Но Марина это понимала.

– Записку я хотела передать, – продолжила она, – через одну женщину из нашей камеры, которая сегодня должна освобождаться.

Я облегченно вздохнул. Следователь вопросительно посмотрел на тюремщика. Тот закивал головой. Значит, действительно, сокамерница Марины должна была сегодня освобождаться. Конечно, это была ложь, записку намеревались передать через меня. Не будет Марина так рисковать и доверять какому-то человеку! Просто она ею прикрылась.

– Хорошо, – сказал следователь. – Тогда следующий, неожиданный для вас вопрос. Эта записка предназначалась Сергею Ломакину, который, по версии следствия, может быть жив? – И следователь внимательно посмотрел на Марину. Я тоже поднял на нее глаза, следил за ее реакцией.

Лицо Марины изменилось. Теперь оно выражало безграничное удивление.

– Как – жив? Он же погиб, вы мне сами сказали! Вы меня даже ознакомили с актом медицинской экспертизы!

Да, Марина – прекрасная актриса! Теперь я это четко видел. Конечно, в той записке, которую прислал ей Ян, тоже был намек на то, что Ломакин жив. Но Марина и бровью не повела, разыграв удивление.

Допрос продолжался не более пятнадцати минут, но ни к каким результатам не привел. Однако потом Марина была препровождена в карцер. Что же касается меня, то я остался в деле.

После допроса следователь неожиданно обратился ко мне и сказал:

– Я думаю, что записку она хотела передать через вас, но доказать этого мы не можем. Жаль, что ничего не получилось! Но ничего, скоро следствие будет закончено, и дело передадим в суд. А прокурор районного суда обычно меньше девяти лет не дает, – следователь криво усмехнулся, как бы показывая, что он все равно победит.

– Ничего, – улыбнулся я, – поборемся!

Возможности переговорить один на один с Мариной после допроса мне не дали. Ее тут же увели. Но я настаивать не стал, быстро спустился вниз и, достав листок с номером пейджера, который мне дала вчера Марина, послал сообщение: «Записки не будет, возникли проблемы. Марина». При этом я звонил из телефона-автомата.

В тот же вечер я встретился с Яном, который предварительно позвонил мне по мобильному телефону и назначил встречу в одном из кафе в центре Москвы.

Придя в кафе, я увидел, что Ян за столиком один. Недалеко от него сидели два парня, вероятно личная охрана. Со мной Ян поздоровался тепло, предложил сесть рядом.

– Ну что, перекусим, может, чего-нибудь выпьем? – сказал он.

– Нет, я не пью.

– Может быть, пирожное хотите? Берите.

Я очень хотел есть. Взял тарелку, подошел к тележке, на которой были расставлены закуски, все это напоминало шведский стол. В основном там было сладкое – всевозможные торты, пирожные и прочее. Выбрав несколько маленьких пирожных, я вернулся к столику.

– Какие новости? – спросил Ян.

Я рассказал ему обо всем – утаивать что-либо не имело смысла. Ян понимающе кивал головой.

– Да, кстати, – сказал он, – я хочу извиниться за моего напарника, Гошу. У него с мозгами не все в порядке. Он здорово руками работает, а с головой у него проблемы. Поэтому он никак не может быть нормальным спокойным человеком, все время ведет разговоры с позиции наезда. И еще, здесь ее записка...

Я увидел листок с ксерокопией записки.

– Марина Михайловна – умный человек, она не называет человека, к кому обращается, по имени. Но из текста видно, что это близкий ей человек. Короче, ясно, что кто-то из двоих жив – либо охранник, Сергей Ломакин, либо – конечно, это невероятно, – и Ян сделал паузу, – сам банкир. Хотя, я думаю, что Андрюха лежит в земле. Но все может быть... Эта записка, – Ян помахал листком в воздухе, – предназначалась одному из них. Но кому – мы не знаем. Слышь, адвокат, – неожиданно обратился Ян ко мне на «ты», – помоги нам разгадать эту загадку! Мы тебе хорошие бабки заплатим. Хочешь, аванс сейчас дадим? – И Ян достал пачку долларов. Там было не меньше десяти тысяч. Он прикрыл ее салфеткой и подвинул ко мне. Я тут же отодвинул пачку обратно.

– Мне они не нужны, – сказал я.

– Но ты же за деньги работаешь!

– Конечно, за деньги. Но это дело выходит за рамки моей компетенции. Ян, я, конечно, понимаю, что вам трудно отказать, что силы неравны, у вас есть возможности на меня надавить, вплоть до физического воздействия. Но поймите меня правильно, я все же защищаю интересы своей клиентки, и из этого следует, что я не могу предпринять какие-то действия, которые будут ей во вред. Вы понимаете меня?

– Хорошо, я понимаю. Как это благородно с вашей стороны, господин адвокат! – с улыбкой сказал Ян. – Просто тут хорошие деньги, а делать особо ничего не надо. Вы же понимаете, что мы будем искать третьего человека – либо банкира, либо охранника, и мы найдем его, обязательно! Если уж не найдем, тогда заглянем в колонию, куда поместят нашу уважаемую Марину Михайловну, навестим ее и попробуем поговорить с ней по душам. Может, она нам укажет направление поиска... Просто с вашей помощью можно было бы пройти этот путь безболезненно.

Я промолчал.

– А сами-то вы что думаете? – неожиданно спросил Ян.

– В отношении чего?

– Суд же скоро, дело следом заканчивается...

Теперь у меня не оставалось сомнений, что записку Ян получил либо через тюремщика, либо через следователя. Естественно, за деньги. Значит, кто-то играет с ним в одну игру.

– Кстати, – вспомнил я, – следователь намекнул мне, что ей большой срок дадут...

– Надеюсь, мы этого не допустим. Она нам здесь нужна. Зачем же делать так, чтобы она затерялась где-нибудь в Пермской зоне? Мы этот вопрос решим. Надеюсь, вы тоже подготовили аргументы защиты? У вас твердая позиция по этому делу?

Я кивнул головой, хотя никакой позиции у меня не было.

– Будем готовиться, – сказал я.

– Вот мой мобильный телефон, – Ян протянул визитную карточку, – если окажется что-то срочное, или вы что-то узнаете, или просто передумаете, пожалуйста, звоните.

На визитной карточке было написано: Котов Ян Станиславович – и номер мобильного телефона. «Коротко и со вкусом», – подумал я.

Прошло несколько дней. За это время ничего особенного не произошло, за исключением, пожалуй, того, что следствие было закончено. Мне, как адвокату, дали возможность ознакомиться с делом перед судом. Основная позиция обвинения по делу заключалась в том, что моя подзащитная, вступив в сговор с Сергеем Ломакиным, погибшим при взрыве, организовала убийство собственного мужа с целью завладеть его деньгами и стать прямой наследницей. Таков был мотив ее преступления. Всякие попытки следствия определить, жив ли охранник Сергей Ломакин, не увенчались успехом. Я сам постепенно стал забывать об этом. В конце концов, пусть это останется тайной, в которую со временем я, возможно, и буду посвящен.

Были еще малоприятные для меня обстоятельства. Мои планы развалить это дело на основании того, что записи, которые были предоставлены следователю Николаем Грозовым, сделаны незаконно, рухнули, так как это было дополнительным

доказательством, а основным являлись показания двух свидетелей: того же Громова и некоей Насти Лобовой.

Кто такая Настя Лобова? Все данные о ней были в запечатанном конверте. Я знал, что иногда следствие специально запечатывает данные о свидетеле в конверт, чтобы со стороны подозреваемых или обвиняемых не было никакого давления на этого свидетеля. На конверте была надпись: «Вскрыть на судебном заседании». Ну что же, будем думать, кто такая Настя Лобова...

Конечно, прямые показания свидетелей значительно ухудшали наше дело. Я по два раза прочел показания Громова и таинственной Насти Лобовой. Показания обоих были достаточно объемными – пять-шесть страниц Громова и две – Лобовой. Но суть их можно было выразить несколькими словами: между покойным банкиром и его супругой были сложные личные отношения, часто выливающиеся в скандалы. Супруга была неверна мужу, и это стало возможным мотивом ее участия в убийстве. Громов даже припомнил случай, что слышал однажды в приемной банкира, как моя подзащитная угрожала мужу.

Конечно, я не очень верил его словам. Скорее всего они были чем-то продиктованы. Но, с другой стороны, меня удивляла его позиция. Если Громов заодно с Яном и его мафией, то почему же они позволили ему дать такие показания? Это было очень странно и совершенно для меня непонятно.

Наконец наступил день суда. Я приехал к двенадцати часам дня. Народу в зале было много. В основном пришли сотрудники банка, в котором работал покойный Солодовников. Среди сотрудников выделялись две группы. Одни были чисто банковские служащие, другие, вероятно, служба охраны во главе с Николаем Громовым. В зале также находилось много девушек. Вероятно, это были сослуживицы банкира, а может, и знакомые Марины.

Я внимательно всматривался в лица присутствующих, отыскивая среди них Яна. Но его не было. Хотя, впрочем, зачем ему тут светиться? Наверняка Служба безопасности сумела пронести в зал суда микрофоны и передатчики, а может, и видеокамеры, которые станут транслировать ход судебного заседания, и сейчас Ян сидит где-нибудь в «шестисотом» «Мерседесе» недалеко от здания суда и спокойно слушает и наблюдает. Скорее всего так и есть...

Вскоре в зал ввели Марину. Она была одета в юбку и темно-серую кофточку. Я обратил внимание, что на ее лице появились темные очки в темной оправе. Я знал, что таким приемом часто пользовались подсудимые, чтобы придать себе более респектабельный вид.

Началось все как обычно. Суд объявил свой состав, ознакомил с составом сторон. Обвинение, как и предполагалось, осуществлял старший прокурор районной прокуратуры, одетый в серый мундир.

Следователя, естественно, в зале заседаний не было – не любят они ходить на судебные заседания.

Судья зачитал обвинение. Оно было на двух страницах. Затем судья перешел к исследованию доказательств.

Сначала решили допросить свидетелей. Первым являлся, естественно, Николай Громов. Подойдя к стойке, где дают клятву, он быстро произнес стандартные слова, что собирается говорить правду и одну только правду. Затем начал свой рассказ. Суть его заключалась в том, что в один из дней в приемной он услышал прямые угрозы со стороны Марины в адрес ее мужа, что я, мол, тебя убью. В этот день они поссорились, и, выскочив из кабинета мужа, Марина в открытые двери стала угрожать ему. А в приемной случайно оказался Николай Громов.

После того как он закончил давать показания, судья задала ему несколько вопросов. Затем подключился прокурор. Суть его вопросов сводилась к тому, могла ли подсудимая, жена банкира, заказать убийство собственного мужа. Громов ответил утвердительно. Тогда слово было предоставлено мне.

Естественно, я сразу выделил: что значит «могла ли»? Зачем прокурор задает такие оценочные вопросы? Должен быть поставлен конкретный вопрос. Во-вторых, я начал допытывать Громова, когда это произошло. Точной даты Громов назвать не мог. Сказал, что не помнит.

– Как же тогда суд может квалифицировать ваши показания в качестве эпизода по этому делу, если мы не обладаем ни датой, ни временем? – сказал я.

Громов стал пытаться вспомнить и назвал дату – шестнадцатое апреля.

– Извините, – сказал я, – в ваших показаниях, которые вы дали на первом допросе на следствии, стояла другая дата – двенадцатое апреля. Так какая же из двух верная?

– Я затрудняюсь ответить, – сказал Громов.

Было ясно, что он «поплыл». Я усилил напор, стараясь запутать его и вывести из равновесия. Теперь я стал допытываться, где он стоял. Прекрасно изучив его показания, я помнил, что Громов сидел на диване недалеко от двери в кабинет банкира. Сейчас же он говорил, что стоял, а не сидел. Этим я воспользовался. В конце концов, я запутал его. Его речь стала сбивчивой. Судья, видимо, уловила мою тактику и улыбнулась, как бы говоря – знаем мы вас, адвокатов, как вы свой хлеб отработываете!

Я посчитал, что первый раунд я выиграл. Наступила очередь второго свидетеля. Должна была выступать Настя Лобова.

Когда суд назвал имя свидетельницы, я тут же перевел взгляд на дверь. Вошла невысокая девушка, лет двадцати, стройная.

«Погоди, – подумал я, – очень знакомое лицо. Где же я ее видел?» Я стал напрягать память, но вспомнить не мог.

После того как прозвучала клятва об искренности свидетеля, суд стал интересоваться ее данными. Настя сообщила, что она – секретарь председателя правления банка, а я сразу вспомнил, что видел эту девушку, когда приезжал в банк на переговоры с Яном. Она сидела в приемной и как-то недобро посмотрела на меня. Так вот оно что! Вот он, ход! Но почему же на следствии не было ее показаний? Это очень странно...

Суть показаний свидетельницы сводилась к тому же, что и у Громова, – отношения супругов были плохие, натянутые, они часто ругались, неоднократно слышались угрозы со стороны Марины. «Как по заученному тексту говорят! – подумал я. – Конечно, ее подкупили. Наверное, хорошие деньги дали, вот она и топит жену банкира...»

После того как она закончила давать показания, слово предоставили прокурору. Тот задал несколько вопросов, ответы на которые не имели никакого значения. Теперь подошла моя очередь.

Я стал вновь допытываться, где она стояла, когда это было. На сей раз у меня ничего не получилось. Девушка называла конкретную дату, конкретное время и конкретное место, где она находилась.

Затем неожиданно слово попросила Марина. Я насторожился.

– Можно мне спросить свидетельницу? – произнесла Марина.

– Конечно, – ответила судья, – вы имеете на это право как участник процессуальных действий.

– Пусть она скажет суду, да и мне лично, в каких отношениях она состояла с моим бывшим супругом.

Я насторожился.

– Вы можете ответить на поставленный вопрос? – спросила судья Лобову.

Девушка замялась.

– В деловых отношениях, – произнесла она.

– Еще один вопрос, – продолжила Марина. – Были ли у нее интимные отношения с моим бывшим супругом?

Вот к чему она клонит! Ну что ж...

– Да... У нас были интимные отношения, – неожиданно сказала свидетельница после небольшой паузы.

Хорошенькое дело! Для меня, конечно, это не было новостью. Не секрет, что крупные банкиры делают из секретарей любовниц – расслабляются на производстве, в процессе тяжелой работы. Поэтому ее признание меня не удивило. Другое дело, почему вдруг она...

Все последующие вопросы Марины сводились к одному – оценке морального облика секретарши. Вскоре судье эти вопросы надоели, и она сердито сказала:

– Подсудимая, нам и так уже ясно, к чему вы клоните. Задавайте вопросы по существу!

Марина замолчала.

Я решил, что учту в своей речи тот факт, что показания свидетельницы имеют заинтересованный характер и являются мстью за убийство ее любовника...

Вскоре допрос свидетелей окончился, и суд объявил перерыв. Продолжение заседания было объявлено на следующий день.

Я был в значительной степени расстроен. Ситуация оказалась туманной. Почему Ян недавно говорил мне, что он заинтересован в том, чтобы Марина не получала длительного срока? Тогда для чего же их человек Громов, начальник Службы безопасности, начинает грузить ее по полной программе?

Однако на следующий день ситуация резко изменилась. Был подробно разобран непосредственно процесс взрыва. Теперь уже опрашивали очевидцев, которые видели, кто находился рядом с офисом, когда взорвался «Мерседес», кто сидел в машине, кто подходил. Со слов уличных свидетелей стало ясно, что Сергей Ломакин все же погиб, потому что все видели, как он садился в машину. Потом, когда показали его фотографию, все уличные свидетели опознали его. Именно Ломакин садился в машину.

Неожиданно на судебном заседании вновь был допрошен по факту убийства Николай Громов. Теперь он сообщил, что видел эту злополучную тетрадку с лекциями о взрывном деле в рабочем ящике стола его подчиненного Сергея Ломакина. Затем он, естественно, определил, что именно эта тетрадка была изъята во время обыска в квартире Ломакина. И совсем уже неожиданными были его показания, когда он заявил, что Марина Михайловна никакого отношения к этому убийству не имеет, что у Сергея Ломакина были не дружественные, а скорее враждебные отношения со своим боссом, банкиром Андреем Солодовниковым, на почве личных отношений, точнее, из-за женщины.

Я очень удивился такой резкой смене позиции. Скорее всего, Ян слышал процесс, и Громов получил нагоняй за то, что неправильно повел себя на суде. Теперь он все убийство пытался списать на Ломакина.

Теперь ни у кого не возникало сомнения, что не было дистанционного устройства. По версии получалось, что Ломакин принес взрывное устройство, и вследствие неосторожного обращения с ним произошел этот несчастный случай, при котором погибли два человека – Ломакин и банкир Солодовников. Что же касается третьего человека, водителя, то он сейчас находится в тяжелейшем состоянии и допрашивать его, естественно, пока нет никакой возможности.

Начались прения сторон. Сначала выступил прокурор. Он говорил о всевозможных обстоятельствах дела. Но всех интересовал только один вопрос – какой срок он станет просить у суда для Марины. Слабая надежда на то, что ее оправдают, у меня была, но процентов на десять, не более. Такие случаи очень редки.

И я не ошибся. Прокурор закончил свою речь следующими словами:

– С учетом содеянного и на основании вышеизложенного прошу суд приговорить... Марину Михайловну Светличную к шести годам лишения свободы с отбытием срока в колонии усиленного режима.

«Все-таки это не девять лет, – подумал я. – Могло быть и больше... Значит, что-то все же повлияло на прокурора. Может быть, это Ян?»

Я же свою речь построил наоборот: что моя подзащитная – жертва определенных обстоятельств, что она никакого отношения к этому случаю не имела, что магнитофонные записи не могут быть приобщены к делу как доказательства, полученные незаконным путем, что показания свидетельницы Насти Лобовой являются необъективными, так как она – лицо заинтересованное и как бы мстит за гибель своего любимого человека.

Я бросил быстрый взгляд в зал. Все те же лица, но Насти Лобовой, как ни странно, я не заметил.

Затем слово предоставили Марине. Она, естественно, повторила свою позицию, что она не убивала, что на нее просто все свалили.

Суд внимательно выслушал все стороны и удалился на совещание.

– Приговор будет вынесен через два дня, – объявила судья.

За это время я не решился ехать к Марине. Знал, что такое ожидание судьбы. Зачем ее лишней раз волновать?

Наконец наступил день оглашения приговора. Я приехал ровно к полудню. В зале было гораздо меньше людей, чем в предыдущие дни. Я сел и стал ждать выхода судьи.

Вдруг мне показалось, что я не закрыл машину. Быстро взглянув на часы – время было без четырех двенадцать, – я бегом спустился вниз, чтобы проверить замки. Но мои опасения оказались ложными. Все было в порядке. Видимо, думая о другом, я действовал автоматически.

Я уже хотел идти обратно, когда невдалеке появился знакомый «шестисотый» «Мерседес» серебристого цвета. Похоже, Ян приехал, а может, просто совпадение... Но «Мерседес» скрылся из виду. Зато у здания суда появился броневик с названием какого-то банка. Мне это показалось странным. «Неужели, – подумал я, – суд перевозит какие-то деньги? Вроде не финансовая организация...»

Перед тем как войти в здание суда, я неожиданно столкнулся с милиционером с погонями майора, выходящим из двери, и мы чуть не ударились лбами. Я бросил на него взгляд. Лицо его показалось мне

знакомым. Но майор быстро опустил голову и прошел мимо. «Так это же Громов!» – наконец сообразил я.

Николай Громов в форме майора милиции?! Нет, не может быть, я просто ошибся, мне начинает мерещиться незакрытая машина, начальник Службы безопасности Громов в милицейской форме... Это просто галлюцинация.

Вернувшись в зал суда, я успел к началу. Там уже сидела Марина. Она бросила на меня вопросительный взгляд. Я быстро осмотрел зал. Там не было никого из представителей банка и охранников. Только посторонние лица. И Громова среди присутствующих не было.

Вскоре появилась судья. Она долго читала приговор, перелистывая страницы. Наконец наступила результативная часть – приговорить Светличную Марину Михайловну к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима. Мне словно бритвой по сердцу резанули. И все-таки на год меньше того срока, который просил прокурор, – это уже хорошо. Ведь что такое лишний год в местах лишения свободы!

Я посмотрел на Марину. Она опустила голову. Лицо ее ничего не выражало.

Судья с народными заседателями удалилась. Я быстро подошел к Марине и стал говорить ей, что я сегодня же или, в крайнем случае, завтра утром напишу жалобу на решение суда и подам ее в высшую инстанцию. Марина молча кивала. Я понимал, что она внутренне переживала, ведь следующие пять лет будет находиться за решеткой. Как для нее сложатся эти годы, выживет ли она вообще?

После того как Марину увели, я постучался в комнату, где находилась судья. Она с народными заседателями пила чай.

– Можно мне войти? – спросил я.

– Входите, господин адвокат, – сказала, улыбаясь, судья.

– Я бы хотел записать более подробно результативную часть приговора.

– Зачем? – поинтересовалась судья. – Вы собираетесь подавать касатку?

– Да, я собираюсь писать кассационную жалобу во вторую инстанцию, в Московский городской суд, на обжалование приговора.

– Пожалуйста, – сказала судья. – Вообще, формально я не обязана вам давать приговор сейчас. Через три дня – пожалуйста. Он пока еще не готов.

– Но вы же зачитывали его! Это же был приговор!

– Это только черновики, – начала пререкаться со мной судья. – Впрочем, я не буду вам перечить. Пожалуйста, переписывайте! – И она протянула мне листки с приговором.

Я быстро стал переписывать текст. Судья, не обращая на меня внимания, обратилась к народному заседателю – пожилому мужчине, сидевшему за столом с чашкой чая:

– Надо же, какие адвокаты пошли! Раньше по такому делу она двенадцать лет влегкую получила бы! Мы за грабеж по 9—10 лет даем. А тут всего пять... Божеский приговор! И он еще, – судья сделала паузу, вероятно мысленно охарактеризовав меня не очень хорошими словами, – собирается его обжаловать! Вот и верь после этого адвокатам!

– Понимаю вас, – сказал я, – приговор действительно хороший. Но пять лет – это тоже большой срок. Даже если бы дали год, я все равно написал бы кассационную жалобу. Это же моя работа.

– Я вас тоже понимаю, – сказала судья.

Неожиданно громкоговоритель, стоящий на столе, зашипел, и оттуда послышался мужской голос:

– Внимание! Перестрелка у здания суда!

Судья моментально отставила стакан с чаем, быстро подошла к сейфу и, открыв его, достала оттуда пистолет «макаров». Она вышла в коридор.

«Что же это значит? – подумал я. – В последнее время бывает все – и взрывы, и нападения, и попытки отбить осужденных... Значит, тут идет какой-то бандитский процесс...»

Не знаю почему, но я быстро стал спускаться вместе с судьей. Внизу уже столпилось много людей. Я подошел ближе к выходу. Теперь я видел, что у здания суда стояли две конвойные машины – «воронки», которые перевозят заключенных. Машины были оцеплены несколькими вооруженными солдатами. На земле лежали два убитых милиционера.

– Что случилось? – судья, держа в руке пистолет, обратилась к стоящему рядом милиционеру.

– Да вот, – сказал он, – бандиты, переодетые в форму милиции, пытались отбить женщину.

– Какую женщину?

– Светличную.

– Господи, так это же моя осужденная! – воскликнула судья. – Что с ней?

– Да ничего у них не получилось. Сейчас она сидит в машине. В тюрьму ее повезем. А бандитов мы застрелили, – капитан милиции указал на лежавшие на земле трупы.

Я пробрался через толпу и приблизился к убитым. Бог ты мой! На земле лежал переодетый в форму майора милиции Николай Громов, бывший начальник Службы безопасности банкира. Зачем он это сделал? Какая цель преследовалась – отбить или убить Марину? С этими мыслями, в шоке, я покинул территорию суда.

На следующий день я отправился в тюрьму, чтобы обсудить с Мариной последние события и, главное, сказать, что подготовил кассационную жалобу и направил ее в Московский городской суд.

Как ни странно, Марина не очень огорчилась из-за приговора.

– Честно говоря, я думала, что мне дадут гораздо больше, – сказала она. – Вы молодец, что смогли снизить срок до пяти лет.
– Послушай, Марина, пять лет – тоже срок немалый... – сказал я.
– Ничего. А то, что жалобу будете подавать, – это очень хорошо. Может быть, как-то сумеете срок хоть на годик скостить...

– Конечно, я просто обязан постараться!

Затем я стал рассказывать про попытку нападения. Но все это, как оказалось, произошло на ее глазах.

– Я все знаю, – сказала она. – Но совершенно не представляю, зачем нужно было отбивать меня, тем более что сделано это было крайне непрофессионально.

– Как это было? Расскажи подробнее, – попросил я.

– Когда меня вывели, Громов неожиданно подошел к конвоирам и, показав удостоверение, сказал, что они забирают меня на новый допрос в Московскую прокуратуру в связи с открывшимися новыми обстоятельствами, и протянул листок. Начальник караула взял листок, сказал, что он должен согласовать это с судьей, и пошел в здание.

Тогда Громов предпринял попытку увести меня силой. Охранники начали сопротивляться. Возникла потасовка. А затем охранники открыли огонь на поражение, и Громов со своим напарником был убит. Я очень испугалась, боялась, что и меня в этой суматохе могут застрелить.

– Как ты думаешь, для чего это было нужно?

– Наверное, Яну нужна я живая. Он будет искать эти деньги.

– А что, действительно деньги пропали? – осторожно спросил я, глядя Марине в глаза.

– Ну, раз он говорит, что пропали, значит, пропали...

Прошло еще несколько дней. Неожиданно меня вызвали в прокуратуру на допрос. Теперь я сам допрашивался в качестве свидетеля по поводу перестрелки у здания суда. Но мои показания ничего не дали, поскольку я практически ничего не видел, только лица убитых. О том, что немного раньше я видел переодетого майором милиции Громова, я умолчал. Следователь был все тот же, Кирилл Самохин. После допроса он неожиданно сказал мне:

– Мы тут провели обыск на квартире Громова. Очень интересная вещь получается. Нашли несколько кассет. Оказывается, они с Ломакиным были заодно. У меня теперь не вызывает никакого сомнения, что на дистанционном управлении сидел именно Громов, он и нажал на кнопку, чтобы убрать сразу и Солодовникова, и Ломакина.

– А для чего это было ему нужно? – спросил я.

Следователь пожал плечами:

– Какие-то у них свои игры идут, непонятные.

– Ну так что, может быть, дело сразу пересмотрим? – спросил я. – Может быть, моя подзащитная никакого отношения к этому не имеет?

– Нет, имеет. Просто я думаю, что убийство банкира готовилось сразу по двум направлениям – ваша подзащитная с Ломакиным и какие-то силы, которые и представлял Громов. Вот все одновременно и сработало.

В последующие дни я был занят опротестованием приговора. Я быстро написал кассационную жалобу во вторую судебную инстанцию и стал ждать назначения срока ее рассмотрения. Дату судебного заседания назначили только через две недели.

По адвокатской практике я взял несколько новых дел, что касается дела Марины, то оно вышло на окончательную стадию.

Вторая инстанция в лице Московского городского суда мою жалобу отклонила и оставила решение суда без изменения, посчитав, что все правильно. Тогда я стал добиваться рассмотрения дела в третьей инстанции – Верховном суде. На пленуме Верховного суда мне повезло. Я сумел привести убедительные доводы. Кроме того, обыграл и гибель Громова, сделав его главным участником и исполнителем убийства банкира Солодовникова. Не знаю, может быть, суд учел мои доводы, но срок наказания Марине снизили до трех лет. И самое главное, поменяли режим. Теперь она должна была отбывать срок не в колонии усиленного, а в колонии общего режима. Это был огромный успех.

Окрыленный победой, я быстро направился в следственный изолятор, чтобы обрадовать Марину новым известием.

Доехав до следственного изолятора, я хотел уже пойти к Марине, как раздался телефонный звонок. Я взял мобильный телефон и услышал знакомый голос. Это говорил Ян.

– Нужно срочно встретиться, – сказал он. – Есть разговор, есть тема.

– Хорошо. Я возле изолятора.

– Сейчас мы подъедем.

Минут через двадцать серебристый «Мерседес» Яна медленно подкатил к изолятору.

– Вот тут ей небольшая малявочка, я написал, – протянул мне небольшую записку Ян. – Передадите?

– Да, передам.

– Что вы думаете о гибели Громова?

Я сделал паузу, словно обдумывая, что мне сказать.

– Громов попытался исправить свою ошибку, – сказал Ян.

– Какую?

– Свое неправильное поведение на первом заседании суда, – коротко добавил Ян. – Ему никто не давал таких полномочий.

– Я тоже этому удивился, – кивнул я. – Он почему-то сразу стал ее обличать.

– Да, он здорово все подпортил. Но, надеюсь, на втором заседании все исправил?

– Да, ситуацию он исправил.

– А дальше, видимо, посчитал, что лучший способ исправить свою ошибку полностью – это отбить Марину Михайловну от конвоя.

– Но получился прокол, неувязочка.

– Да что теперь! О мертвых плохо не говорят, – добавил Ян.

После этих слов у меня не осталось сомнений, что этой акцией руководил Ян, и именно он заставил Громова поменять показания, а может, и предпринять попытку нападения на конвой у здания суда.

После разговора с Яном я поспешил к Марине. Она встретила меня приветливо, будто знала, что ей снизили срок. Я сказал ей об этом. Она подошла ко мне, обняла и поцеловала. Я почувствовал, как сильно бьется ее сердце.

Потом я рассказал ей о встрече с Яном, о нашем разговоре и передал записку. Она быстро прочла ее, тут же достала зажигалку, сожгла листок и выбросила пепел в окно.

– Что-то серьезное? Какие-то угрозы? – поинтересовался я.

– Нет, все в порядке, – ответила Марина. – Никаких угроз.

Потом она неожиданно подошла ко мне и сказала, перейдя на «ты»:

– Я так тебе благодарна! Я очень рада, что не ошиблась в тебе, что именно ты был моим адвокатом. Это большой успех! Я, честно говоря, рассчитывала, что мне дадут лет десять, а тут – три года! Может быть, я под амнистию попаду...

– Да, вполне возможно, если амнистия будет.

– А никаких дат, по которым проходит амнистия, не ожидается?

Я пожал плечами:

– Трудно сказать. Это совершенно непредсказуемый процесс. Если обстановка в стране изменится...

– А что еще может повлиять на то, чтобы человек раньше вышел из заключения?

– Его поведение, добросовестная работа в местах лишения свободы, – начал я перечислять, – болезни...

– Нет, болезни нам не нужны, – сказала Марина.

Я понимал, что она берет курс на снижение своего срока хотя бы наполовину.

– Знаешь, – Марина приблизилась ко мне, – у меня план родился... – И она быстро прижалась ко мне. – Я хочу отблагодарить тебя. – Неожиданно она стала целовать меня.

– Каким это образом? – поинтересовался я.

– А ты не догадываешься? – И она быстро провела рукой по моим брюкам.

– погоди, Марина, ты что? вспомни, где мы находимся!

– А где? Тут даже романтично! Я с конвоиршей договорилась, она нам целый час дала, не будет трогать. Я ей заплатила, – Марина попыталась расстегнуть мои брюки. – Я очень хочу тебя отблагодарить! Я тебя очень хочу... У меня мужчины не было больше двух месяцев. А ты мне очень нравишься, – и она начала осыпать меня поцелуями.

Я попал в совершенно дурацкое положение. Сам не знаю, как все получилось, но произошло все достаточно скомканно...

Поправив одежду, Марина сказала:

– Ну вот, если это свершилось, то очень хорошо!

– Что свершилось? – переспросил я.

– А то, что у меня наступили опасные дни, и вполне возможно, что я от тебя забеременела. И теперь, если я рожу ребенка, то думаю, что срок мне уменьшат. Как ты считаешь?

Я был в шоке. Господи, неужели меня так глупо подставили?! У Марины – ребенок от меня? Зачем? С другой стороны, ее понять можно. Лучше отсидеть год и потом выйти на свободу, чем мучиться три года. А ребенок? Господи, зачем я это сделал!

– Да не переживай ты так, – улыбнулась Марина, – я пошутила!

Но я прекрасно понимал, что никакой шутки тут быть не могло.

Вскоре я покинул изолятор. У меня было странное состояние. С одной стороны, меня тянуло к Марине, она нравилась мне. Но с другой – так глупо подставиться! А вдруг она и вправду родит? Что будет дальше? Вот он, любовный треугольник... Да нет, тут уже не треугольник, а четырехугольник получается...

Несколько дней я обдумывал сложившуюся ситуацию и разработал несколько вариантов. Я хотел прийти к Марине на следующий день, чтобы обсудить их с ней.

Через три дня я приехал в следственный изолятор, быстро заполнил листок вызова Марины и протянул его сотруднице картотеки. Женщина взяла листок, стала искать карточку, потом перешла к другому ящику и неожиданно протянула мне листок обратно.

– А вашу подзащитную отправили в колонию, – сказала она.

– Как в колонию? Когда?

– Сегодня утром. Опоздали! Приехали бы на час раньше – может быть, и застали бы еще.

– Но как мне ее найти?

– Пойдите в оперчасть, узнайте там, в какую колонию ее отправили.

Я поспешил в оперчасть. Но там мне сказали только, что пока еще ничего неизвестно и нужно связываться с ГУИНОм, Главным управлением исполнения наказаний.

Все мои хлопоты успехом не увенчались. В голову пришла мысль: а что, если снова обратиться к Яну?

Через несколько минут я был в банке. Пройдя через приемную, я обратил внимание, что на месте бывшей секретарши Насти Лобовой сидит другая девушка, симпатичная блондинка.

Я вошел, поздоровался с Яном.

– Ну как дела, адвокат? – спросил он.

– Ничего, спасибо.

– Что, клиентку свою потерял?

– Да, никак не могу найти. Не может ГУИН мне назвать, в какую колонию ее отправили.

– Мы тоже ее активно искали, – сказал Ян, – но нашли ее, раньше тебя. Она в женской колонии, тут недалеко, под Москвой. Знаешь?

– Конечно, знаю, – кивнул я.

– Вот, давай, если хочешь, съезди туда, навести ее. Заодно и записочку передашь...

– Ян, я давно хотел вас спросить – что это за фокусы с секретаршей, которая неожиданно дала такие странные показания в отношении Марины?

Ян, помолчав, ответил:

– Мы сами не ожидали такого от этой сучки. Тут пошла какая-то двойная игра. Но самое интересное другое – она сразу после суда пропала.

Я удивленно посмотрел на него. Ян словно понял мой немой вопрос.

– Нет, мы никакого отношения не имеем к ее исчезновению, поверь мне. Я врать не буду. Я сам хотел с этой сучкой разобраться, кто ее заставил дать такие показания. Мы ей совсем другой сценарий написали. А она дала показания, села в машину и тут же исчезла. И мы до сих пор не можем ее найти. – Ян задумался. – Я по этому поводу уже голову сломал. Не знаю, что и думать!

Для меня это было полной неожиданностью. В игру вступил еще какой-то неизвестный. От кого же выступала секретарша?

– Ладно. А ты, адвокат, молодец, что три года сумел выбить! Ее бы через годик вытащить... Тогда все было бы нормально.

Я бросил взгляд на телевизор. Ян, перехватив взгляд, сказал:

– Не волнуйся, адвокат, что все записывается, все равно записи попадут ко мне. Я же в банке отвечаю за Службу безопасности, так сказать, курирую, как один из вице-президентов.

Покинув банк через несколько минут, я не мог понять, что мне делать. Но в этот же вечер получил новое известие. Мне позвонила какая-то незнакомка и попросила от имени Марины встретиться со мной. Наверное, она договорилась с кем-то освободившимся из этой колонии и передала с ней записку.

Встреча была назначена около одной из гостиниц недалеко от Киевского вокзала. Без труда я узнал девушку по описанию. Она

была чем-то похожа на Марину, с черными волосами.
Поздоровавшись, предложил ей пройти в небольшой бар.

– Я от Марины, – сказала девушка.

– Я догадался.

– Вам записка... – И девушка протянула мне листок. Я тут же распечатал его. Там было следующее: «Передаю тебе записку со своей сестрой...»

– Так вы – сестра Марины?

– Да, – кивнула она. – Марина просила, чтобы вы приехали.

– Но тут необходимо соблюсти кое-какие формальности... Как у нее дела?

– Ничего, нормально, – сказала Оля, сестра Марины. – Она ждет ребенка.

– Как ребенка?!

– Она беременна.

Господи! Ну вот и все... Теперь я понял ее холодный расчет. Забеременев, скорее всего от меня, она теперь родит ребенка. Безусловно, это смягчит приговор. Но мне-то что делать? В каком дурацком положении оказался я?

В течение трех дней я оформлял через Главное управление исполнения наказаний разрешение на посещение своей бывшей подзащитной и, получив, наконец, согласие, поехал в сторону Можайска.

Дорога показалась мне вечной. Наконец я доехал до колонии. Она представляла собой закрытую зону на окраине города, огороженную высоким бетонным забором с колючей проволокой наверху, за которым виднелся еще один забор – деревянный, также с колючей проволокой.

Заполнив соответствующие документы, я прошел в комнату для свиданий. Примерно через полчаса появилась Марина. Она была одета в традиционную форму эчек – в платье из ситца в горошек, в курточку черного цвета и косынку, тоже в горошек.

– Ну как мой вид? – спросила она, подойдя ко мне.

Я всмотрелся в нее. Небольшой животик проступал через платье.

– Да, я беременна, – сказала Марина, перехватив мой взгляд.

Я словно онемел. Молча протянул ей записку от Яна. Марина прочла ее. На сей раз она не порвала ее, а положила в карман. После небольшой паузы она сказала:

– Настя действительно исчезла?

– Да, ее не было в банке. Ян в шоке.

Марина задумалась.

– Значит, она поехала к нему... – задумчиво произнесла она.

– К кому?

– Как к кому? К Андрею.

– К какому Андрею?! К Солодовникову? Так он же мертв! – вырвалось у меня.

Марина улыбнулась:

– Эх, адвокат, так ты ничего и не понял! Жив Андрей.

– Так зачем же был нужен весь этот маскарад?

– Потом, со временем, поймешь. Я ничего не могу тебе сказать по этому поводу, пока не могу. Но придет время, и ты все узнаешь. Да, меня очень расстроило исчезновение Насти, очень! Ничего, бог даст, через год я выйду, по амнистии или в связи с рождением ребенка, и с ним разберусь. Я обязательно его убью, сама!

– Марина, ты что? Как ты можешь такое говорить? Как его можно убить?

– А что мне будет? Дважды человека ведь не судят за одно и то же преступление? – Марина внимательно посмотрела на меня. – Так ведь? Не будет же меня никто судить за то, что мой муж живой, а я полностью отбыла наказание за его убийство. Что же, меня по новой судить будут?

Я молчал, не зная, что ей ответить. Для меня это было выше всякого понимания.

– Ничего, – продолжала Марина, – Ян сможет ее найти, эту сучку, и он с ними разберется!

Теперь я вообще перестал что-либо понимать. Теперь Ян – ее союзник? Записки она не рвет. Как я понял, в записке нет никаких угроз...

Марина посмотрела на меня:

– Послушай, у тебя мобильный телефон с собой?

– Да.

– Ты его не сдал на контроле?

– Так меня никто о нем не спрашивал...

– Ты мне позвонить дашь?

– Конечно.

– Только одно маленькое условие. Тут, в коридоре, есть туалет. Ты иди туда, как бы по нужде. Не дай бог кто-нибудь поймает меня с мобильным телефоном! А так ты скажешь, что оставил его в портфеле, а я вытащила его самовольно и позвонила. Тогда тебе ничего не будет.

– Хорошо, – сказал я. – Я могу выйти. Сколько мне погулять?

– Минут десять, мне этого вполне хватит.

Я вышел из комнаты, посмотрев на часы. Конечно, я прекрасно понимал, что Марина не боялась, что ее поймут с мобильным телефоном. Просто, видимо, она не хотела, чтобы я был свидетелем ее разговора.

Вернувшись через десять минут, я увидел, что Марина уже закончила разговор и сидит, что-то обдумывая. Вероятно, она получила какую-то информацию.

Через несколько минут я простился с ней.

Задавать ей вопросы о ребенке желания уже не было, я прекрасно понимал, что меня подзащитная просто использовала...

Теперь у меня было много информации для обдумывания. Первое – это то, что Марина беременна. Второе – загадочная фраза Марины, что ее муж жив. И третье – почему Ян неожиданно оказался ее союзником. Все это не выходило у меня из головы.

Я взял в руки мобильный телефон и, нажимая на кнопки меню, стал проверять, кому она звонила. Но номера, которые высвечивались, были пустыми. Марина предусмотрительно стерла информацию. «Она слишком умна и опытна», – подумал я.

Вскоре я вернулся в Москву. Там все спокойно проанализировал. Я посчитал, что вся эта история для меня очень неприятна. И Марина отнеслась ко мне достаточно непорядочно. Она просто использовала меня в своих целях.

После этого я прекратил всякие контакты с ней. Пару раз я еще получал записки от тех, кто освобождался из женской колонии, но никак не реагировал на них. Но новая встреча и разгадка всех тайн, связанных с ней, была еще впереди.

Эпилог Два года спустя

Прошло время. Я почти полностью забыл Маринину историю. Но как-то мне позвонили, и я услышал знакомый голос Марины.

– Это я, – сказала она. – Хочешь со мной проститься? Надо переговорить.

«В конце концов, она родила ребенка, и это, может быть, мой сын или моя дочь», – подумал я.

– А где мы увидимся?

– Я нахожусь рядом с рестораном «Националь», приезжай, поговорим...

Через несколько минут я подъехал к ресторану. В черной иномарке сидела Марина. Ее трудно было узнать. Одета в элегантный костюм, она казалась очень похудевшей, но это нисколько не портило ее внешнего вида. Наоборот, она стала еще более симпатичной.

– Проводишь меня до аэропорта? Я сейчас улетаю, – сказала Марина. – По дороге поговорим...

– Хорошо.

– А обратно тебя водитель довезет, – добавила она.

Почти всю дорогу мы ехали молча. Но все же я узнал, что Марина освободилась пару дней назад. Но в силу определенных обстоятельств она особо не афишировала свое освобождение. Естественно, она освободилась досрочно, по амнистии в связи с рождением ребенка.

– Послушай, – спросил я, – а где же ребенок?

Марина посмотрела на меня внимательно и сказала:

– Не волнуйся, ребенок не от тебя.

– А от кого же?

– Мне нужно было использовать ситуацию. Мне помог один сотрудник оперативной части колонии, за деньги... Я родила ребенка, получила амнистию. Только ребенок... Он не дожил до амнистии, умер. Все-таки далеко не лучшие условия были в этой зоне.

– А сейчас ты куда?

– За границу, насовсем.

Вскоре мы подъехали к Шереметьево-2, вышли из машины.

– Вот сейчас мы можем спокойно поговорить, – сказала Марина, намекая на то, что водителя нет. – До самолета осталось двадцать минут. Я должна тебя поставить в известность... Ты сделал свою работу просто отлично. Вся эта операция, что была задумана, удалась именно благодаря тебе.

Я был в шоке. Марина взглянула на табло вылетов. Трудно угадать, куда она летела, – на табло светилось множество названий рейсов. Вероятно, куда-то в Европу. Посмотрев на меня, она сказала:

– Наверное, мы больше никогда не увидимся. Я хочу поставить тебя в известность... Если появится Андрей...

– Андрей – твой муж?

– Да, тот самый, которого якобы убили. Передай ему большой привет и скажи ему, что я поступила с ним так же, как он поступил со мной.

– погоди, я не понимаю, почему он должен появиться и почему он должен обратиться ко мне?

– Вероятно, он будет искать адвоката, который защищал меня, – сказала Марина, – поэтому он выйдет на тебя.

– Ты можешь объяснить толком, что у вас произошло?

Марина задумалась, потом, посмотрев на часы, сказала:

– До рейса осталось десять минут... Ладно, я скажу тебе все. Все это была спланированная и хорошо продуманная операция. Было двадцать миллионов, деньги немалые. Мы с мужем разработали всю эту операцию.

– Что значит всю?

– Даже включая любовника.

– Ты хочешь сказать, что Сергей Ломакин тоже был в курсе?

– Нет, не был. Мы его просто использовали. Но муж знал, что мой любовник – Сергей Ломакин. Только, по идее, он должен был погибнуть.

– погоди, а кто же тогда погиб вместо твоего мужа?

– Андрею в голову пришла блестящая мысль. Он нашел бомжа, бывшего гримера, и убедил его стать его двойником. Какое-то время он готовил его, но никому при этом не показывал. Правда, пару раз он в качестве экзамена попросил этого гримера проехать в машине вместо него. Никто даже не засомневался, что это Солодовников.

Затем мы посадили этого двойника. И тут, волею случая, к машине подошел Сережа Ломакин. Поверь, – сказала Марина, – никто убивать его не хотел. Просто Громов вел свою игру, и он нажал на кнопку дистанционного управления. Произошел взрыв, в результате которого погибли гример и Ломакин.

– А зачем же тогда подставили тебя?

– Чтобы мафия на меня не наезжала, деньги не требовала. Мне нужно было от них спрятаться, сам понимаешь. Так они бы меня где угодно нашли, а тут я в тюрьме, никто там меня не тронет, как бы срок свой получила и больше ни при чем...

Я стоял словно оглушенный.

– После того как меня осудили, муж меня «кинул», как я потом узнала. Секретарша, Настя, действительно была его любовницей. Я в принципе знала об этом, но думала, что он изменяет мне просто в отместку, поскольку у нас с охранником были интимные отношения. Вот он, как бы в качестве компенсации, и завел интрижку с секретаршей. И еще шутил по этому поводу: мы теперь с тобой квиты, нам не в чем друг друга упрекнуть. А потом, на суде, помнишь, что Настя говорила? Это она делала по просьбе мужа. Они хотели меня утопить, чтобы дали максимальный срок. Слава богу, у них ничего не получилось. После этого она исчезла – уехала к Андрею. А дальше...

Дальше мне помог один человек, и те деньги, которые заныкал Андрей и хотел меня «кинуть», чтобы я пошла на длительный срок, а он остался с молодой любовницей, он не получил. Счета-то оказались обезличенные!

– Ничего не понимаю...

– Он приехал, а деньги, по условиям, мог снимать и другой человек. И вот недавно эти денежки были благополучно сняты с его счета и перешли в только что созданную офшорную компанию. Так что Андрюха нищий и голый. И скорее всего он приедет сюда, разумеется, под другой фамилией – погибшего гримера или еще кого-то, так что привет ему передавай большой. А потом скажи, что я его прощаю и пускай живет так, как он заслужил.

Я стоял и думал, какая же актриса умерла в Марине! Как она все это разыграла и рассчитала!

– Ладно, адвокат, давай прощаться! – сказала Марина. – Желаю тебе успехов. Ты оказал нам большую услугу и здорово помог, естественно, ни о чем не подозревая.

Приблизившись ко мне, Марина поцеловала меня в щеку.

– Ты, кстати, – сказала она, – был для меня единственной отдушиной, когда я сидела в этой дурацкой тюрьме и в колонии.

– погоди, Марина, зачем же ты уезжаешь? Тебе же, наверное, нужна помощь.

– Нет, у меня есть надежный человек, которого я люблю и который спас меня. Кстати, именно этот человек сумел вернуть деньги, которые хотел присвоить Андрей. Все, мне пора, я пошла! – Марина направилась в сторону таможенного контроля. Я смотрел ей вслед. И увидел, как она благополучно прошла таможенный контроль и подошла к билетной стойке, где нужно было подтвердить свой вылет.

Вдруг я заметил, как мужчина высокого роста, с короткой стрижкой, подошел к Марине, и она бросилась к нему, обнимая и целуя его.

Спрятавшись за какого-то человека, я стал внимательно рассматривать незнакомца. Бог ты мой, не может быть! Это был не кто иной, как Ян Котов...

Так вот в чем дело! Теперь мне все стало ясно. Значит, Ян Котов, уголовный авторитет, который являлся, по существу, «крышей» этого банка, был с Мариной в сговоре и затеял эту двойную игру. Но ему-то зачем красть собственные деньги? А может быть, это не его валюта, а общаковская, всей мафии? Он ведь один из лидеров, которые имеют только часть. А тут он все деньги присвоил... Теперь я понимаю, почему Ян при людях показывал свое негативное отношение к Марине, а когда мы оставались с ним наедине, наоборот, пытался оказать ей помощь и содействие.

Всю обратную дорогу я думал о том, что за короткое время сумел стать участником такой серьезной и совершенно не вписывающейся ни в какие рамки интриги...

Прошел еще год. Как ни странно, муж Марины в России так и не появился, и меня никто не искал.

Я почти забыл эту историю, когда в газете «Коммерсантъ» увидел небольшую заметку. В Швейцарии, на одной из вилл, был найден мертвым уголовный авторитет в прошлом. Ян Котов по кличке Кот. Была приведена фотография, на которой я без труда узнал знакомое лицо.

В заметке было высказано предположение, что, скорее всего, это убийство связано с криминальными разборками русских мафиози за границей.

«Где же Марина? – подумал я. – И кто убил этого Яна – его дружки из уголовного мира или, может быть, кто-то другой?..»

- Валерий Карышев

- * * *

- Эпилог